

Симбирскія
Епархіальныя Ведомости.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Апрѣль, № 7.

Симбирскъ.

Типо-литографія А. Т. Токарева.

1914.

1914 г.

„Симбирскія Епархіальныя Вѣдомости“

ДВУХНЕДѢЛЬНОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ, МИССИОНЕРСКОЙ И ЕПАРХІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

ВЫХОДЯТЪ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I. Отдѣлъ оффиціальный. Сюда входятъ епархіальныя распоряженія, извѣстія, объявленія, отчеты Епархіальныхъ учреждений, циркуляры и пр.

II. ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ, въ составъ котораго входятъ:

1) Статьи богословско-философскаго и церковно-историческаго содержанія: изъясненіе христіанскихъ православныхъ догматовъ и правилъ нравственности преимущественно съ тѣхъ сторонъ, которыя подвергаются искаженію или измѣненію въ ученіи мѣстныхъ сектантовъ и раскольниковъ, а равно во взглядахъ современнаго отрицательнаго направленія.

2) Миссіонерское дѣло: статьи и замѣтки о мѣстномъ расколѣ и сектахъ, ихъ происхожденіи и современномъ положеніи; миссіонерскія поученія и бесѣды съ раскольниками и сектантами, или краткое содержаніе бесѣдъ; замѣчательные случаи обращенія въ Православіе сектантовъ и раскольниковъ и др. иновѣрцевъ; статьи и замѣтки по обличенію мусульманства, изложенныя въ простой общедоступной формѣ.

3) Церкви и школа: бесѣды, поученія, слова и рѣчи преимущественно мѣстныхъ проповѣдниковъ; паломническія списанія; статьи педагогическаго характера; методическія замѣчанія по преподаванію въ церк.-приходск. школахъ; историческія и др. свѣдѣнія по воспитанію; устройство и освященіе школъ и выдающіеся случаи изъ ихъ жизни, школьныя экскурсіи и под...

4) Жизнь и книги: сюда входятъ статьи по *всѣмъ*, выдвигаемымъ настоящимъ временемъ на очередь *вопросамъ церковно-общественной и приходской жизни* и по наиболѣе интереснымъ явленіямъ изъ нея: пастырскимъ, церковно-экономическимъ, приходо-воспитательнымъ (о трезвости на примѣръ); сюда же относятся описаніе нравовъ, обычаевъ, суевѣрій и друг. религіозно-нравственныхъ заблужденій простаго народа и особенно инородцевъ, живущихъ въ мѣстномъ краѣ; обзоръ духовныхъ и свѣтскихъ (по вопросамъ церкви и воспитанія) журналовъ; краткія библиографическія свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ религіозно-нравственнаго содержанія, или имѣющихъ миссіонерское значеніе.

5) Изъ отзывовъ нашихъ читателей—для статей, служащихъ для обмена мыслей приходскаго духовенства по печатаемымъ статьямъ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Отъ Симбирской Духовной Консисторіи.
ко дню Св. Пасхи сего 1914 года Его Преосвященствомъ,
Преосвященнѣйшимъ Веніаминомъ, Епископомъ Симбирскимъ
и Сызранскимъ, нижеслѣдующіе священники удостоены на-
гражденія.

А) С к у ф ъ е ю:

1. Бѣльскій Николай—с. Казаковки, Сызранскаго уѣзда.
2. Богородицкій Николай—с. Чиндянова, Алатырскаго уѣзда.
3. Березинъ Александръ—Медянскаго женскаго монастыря.
4. Благовѣщенскій Василій—с. Хоршевашъ, Курмышскаго уѣзда.
5. Голубевъ Владиміръ—с. Спасскаго Куроѣдова, Карсунскаго уѣзда.
6. Городецкій Николай—с. Найманъ, Ардатовскаго уѣзда.
7. Доброхотовъ Григорій—с. Смышляевки, Сенгилеевскаго уѣзда.
8. Кронтовскій Петръ—с. Кобелевки, Алатырскаго уѣзда.
9. Колосовъ Сергѣй—с. Нов.-Томышева, Сызранскаго уѣзда.
10. Никольскій Владиміръ—с. Коромысловки, Сенгилеевскаго уѣзда.
11. Никифоровъ Василій—села Тойсей, Буинскаго уѣзда.
12. Осиповъ Владиміръ—с. Стар. Алгашей, Симбирскаго уѣзда.
13. Покровскій Василій—села Андреевки, Ардатовскаго уѣзда.
14. Розовъ Іоаннъ—с. Большихъ Монадышъ, Ардатовскаго уѣзда.
15. Сунгуровъ Василій—с. Кочкушъ, Ардатовскаго уѣзда.
16. Смирновъ Петръ—с. Кувая, Алатырскаго уѣзда.
17. Сергѣевъ Іоаннъ—с. Каменки, Курмышскаго уѣзда.
18. Смѣловскій Александръ—с. Алферьева, Курмыскаго уѣзда.
19. Саблуковъ Іаковъ—

с. Сосуновки, Ардатовскаго уѣзда. 20. Смѣловскій Влади-
миръ—с. Винновки, Сызранскаго уѣзда. 21. Степановъ Ди-
митрій—с. Полага, Ардатовскаго уѣзда. 22. Травинъ Ми-
хаиль—с. Троицкаго Сунгура, Сызранскаго уѣзда. 23. Ти-
ховъ Василій—с. Жабина, Алатыр. у., а нынѣ с. Рогожки,
Курмыш. у. 24. Троицкій Пантелеимонъ—с. Кармалейскаго
Гарта, Алатырскаго у. 25. Темниковъ Никифоръ—Сызран-
ской единовѣрческой церкви. 26. Ульяновъ Іоакимъ—с. Ху-
хорева, Ардатовскаго уѣзда. 27. Утѣхинъ Николай—с. Енбу-
латова, Буинскаго у. 28. Феликсовъ Александръ—с. Теплаго
Стана, Сызранскаго уѣзда. 29. Цицеровъ Александръ—села
Шемарулина, Ардатовскаго у. 30. Швецовъ Владиміръ—села
Мижаръ-Касы, Курмышскаго у. 31. Эливановъ Павель—села
Богдашкина, Симбирскаго уѣзда.

Б) Набедренникомъ:

32. Александровъ Михаилъ—с. Кабаева, Алатырскаго
уѣзда. 33. Билетовъ Гурій—с. Енгалычева, Карсунскаго у.
34. Бенедиктовъ Евгеній—с. Нижней Туармы, Карсунскаго
уѣзда. 35. Виноградовъ Веніаминъ—с. Среднихъ Тимерсянъ,
Симбирскаго у. 36. Воскресенскій Стефанъ—с. Стемаса, Кар-
сунскаго уѣз. 37. Введенскій Викторъ—с. Русской Цильны,
Симбирскаго у. 38. Ефремовъ Никифоръ—с. Торганъ, Кур-
мышскаго уѣзда. 39. Зорнинъ Димитрій—с. Парадѣва, а
нынѣ с. Балдасева, Ардатовскаго у. 40. Ивановъ Василій—
с. Ново-Ильмоваго Куста, Буинскаго у. 41. Іоанникій іеро-
монахъ Симбирскаго Покровскаго монастыря. 42. Копьевъ
Владиміръ—с. Бѣлозерья, Карсунскаго у. 43. Лебедевъ Ев-
геній—с. Чеберчина, Алатырскаго у. 44. Лебедевъ Павель—
с. Косогоръ, Ардатовскаго у. 45. Лавровъ Павель—с. Ми-
тина Врага, Курмышскаго уѣз. 46. Малининъ Петръ—с. Вя-
зовои, Сенгилеевскаго уѣзда. 47. Максимовъ Николай—села
Шерауть, Буинскаго у. Нибулинъ Павель—с. Низовки на
р. Нуѣ, Ардатовскаго у. 49. Перовъ Василій—с. Сюксюма,
Карсунскаго у. 50. Петровъ Евѳимій—с. Тугаева, Буинскаго

уѣзда. 51. Райскій Іоаннъ—с. Селитьбы, Сызранскаго у., а
нынѣ с. Мариополя, Карсун. у. 52. Русановскій Димитрій—
с. Малой Рязани, Сызранскаго у. 53. Розовъ Николай—села
Канабѣвки, Карсунскаго у. 54. Рождественскій Михаилъ—
с. Богатиловки, Курмышскаго у. 55. Соколовскій Леонидъ—
с. Коптевки, Сызранскаго у. 56. Серафимъ—іеромонахъ Сим-
бирскаго Архіерейскаго Дома. 57. Троицкій Александръ—
с. Вырыпаевки, Карсунскаго у. 58. Троицкій Іоаннъ—села
Дмитріевки, Сызранскаго уѣзда.

Награжденія должны быть внесены награждаемыми въ
ихъ послужные списки; наблюденіе за исполненіемъ сего по-
ручается о.о. Благочиннымъ.

Ц е р е м о н і а л ь

перенесенія въ городъ Симбирскъ въ 1914 году изъ Жадов-
ской пустыни Чудотворныя Казанскія Иконы Божіей Матери
и обратнаго изнесенія Ея изъ города Симбирска и препро-
вожденія въ Жадовскую пустынь.

1) Днемъ принесенія въ гор. Симбирскъ въ текущемъ
1914 году изъ Жадовской пустыни Казанскія Чудотворныя
Иконы Божіей Матери назначается воскресенье 11 мая, а
изнесенія изъ Симбирска обратно въ Жадовскую пустынь
воскресеніе 15-го іюня.

2) Въ день принесенія въ гор. Симбирскъ Чудотворныя
Казанскія Иконы Божіей Матери изъ Жадовской пустыни,
11-го мая, для извѣщенія гражданъ о наступленіи времени
крестнаго хода къ срътенію Святныя Иконы, въ 6^{1/2} часовъ
утра, начнется звонъ въ Каедральномъ соборѣ и во всѣхъ
городскихъ церквахъ, а къ 7 часамъ мѣстное городское духо-
венство съ крестами, хоругвями и святыми иконами соберется
къ Богоявленской церкви для шествія отъ сей церкви цере-
моніально по Московскому тракту къ назначенному за горо-
домъ мѣсту срътенія Св. Иконы; поздняя литургія во всѣхъ
церквахъ имѣеть быть совершена по принесеніи Св. Иконы
въ Каедральный соборъ.

3) Чудотворная Казанская Икона Божіей Матери, по встрѣчѣ и принесеніи въ гор. Симбирскъ, съ приличествующимъ торжеству церемоніаломъ и при колокольномъ звонѣ, 11 мая будетъ принята въ Каѳедральный соборъ, а изъ него того же числа ко всеобщему бдѣнію имѣеть быть изнесена въ церковь 1-й мужской гимназіи, гдѣ и будетъ находиться до утра 12 мая, утромъ 12 мая, въ 8 часовъ, имѣеть быть изнесена въ церковь епархіальнаго женскаго училища къ литургіи; отсюда, по совершеніи молебновъ въ храмѣ и у начальствующихъ и служащихъ,—въ гимназію г-жи Якубовичъ, въ кадетскій корпусъ, въ коммерческое училище и во 2-ю мужскую гимназію, а затѣмъ въ Покровскій монастырь, гдѣ имѣеть быть 13 и 14 мая; во время пребыванія здѣсь Св. Икона можетъ быть принята 13 мая ко всеобщему бдѣнію въ Александро-Невскую при больничныхъ заведеніяхъ церковь—съ тѣмъ, чтобы, по совершеніи здѣсь сего богослуженія и молебновъ въ помѣщеніяхъ названныхъ заведеній, къ литургіи 14-го мая была изнесена въ Казанскую церковь Исправ. арест. Отдѣленія, откуда имѣеть быть возвращена въ монастырь для перенесенія того же 14 числа ко всеобщему бдѣнію въ Богоявленскую церковь, въ приходѣ которой и будетъ находиться 15, 16, 17 и 18 мая. Отсюда Св. Икона можетъ быть взята: 15-го числа ко всеобщему бдѣнію въ Кирилло-Меѳодіевскую церковь духовнаго училища; 16 числа къ литургіи—въ церковь богадѣльни духовнаго вѣдомства въ слободѣ Тути, а ко всеобщему бдѣнію того же 16 числа въ Свято-Владимірскую церковь ремесленнаго графа Орлова-Давыдова училища; къ литургіи 17 должна быть принесена въ церковь Сшествія Святаго Духа при Чувашской учительской школѣ; ко всеобщему бдѣнію того же 17 числа—въ Успенскую церковь Общества Христіанскаго Милосердія и 18 мая изъ Богоявленской церкви имѣеть быть перенесена въ Вознесенскій соборъ на 19, 20 и 21 мая; отсюда 19 мая послѣ литургіи Св. Икона можетъ быть принята во 2-ю женскую

гимназію, а къ литургіи 21-го мая должна быть принесена въ Каѳедральный соборъ; изъ Вознесенскаго собора на 22-ое и 23-е мая Св. Икона подлежить перенесенію въ Троицкую церковь; отсюда на 23 мая можетъ быть принята въ церковь Маріинской женской гимназіи, а потомъ будетъ переноситься: на 24 мая въ Спасскій женскій монастырь; на 25 мая въ церковь духовной семинаріи; на 26 мая въ Николаевскую церковь и на 27, 28 и 29 мая во Владимірскую церковь, откуда на 29 мая ко всенощному бдѣнію въ Тихвинскую Крестовую церковь, изъ которой, по совершеніи 29 мая литургіи и молебновъ, имѣетъ быть обратно препровождена во Владимірскую церковь; во Всѣхсвятскую церковь на 30 и 31 мая и 1 и 2 іюня, откуда на 31 число мая въ церковь тюремнаго замка; на 1 іюня въ военную церковь Забѣтальскаго полка; на 2-е—въ Воскресенскую церковь, что на городскомъ кладбищѣ. Во время нахождения во Всѣхсвятской церкви Св. Икона можетъ быть взята, если останется свободное время, въ церкви близъ лежащихъ слободъ—Мостовой и другихъ; засимъ подлежить перенесенію на 3 іюня въ Неопалимовскую церковь поселка „Куликовка“; на 4 число Іюня въ Успенскую единовѣрческую церковь; на 5 число въ Александро-Невскую при дѣтскомъ пріютѣ и богадѣльнѣ; на 6, 7, 8 и 9 числа въ Воскресенскую церковь; на 10 іюня въ Богородице-Рождественскую церковь при исправительномъ пріютѣ малолѣтнихъ преступниковъ; въ это время со Св. Иконою имѣютъ быть посѣщены дома обывателей Смоленскаго прихода; на 11 іюня въ Казанскую церковь слободы Кававы, что за р. Волгой, на 12—въ Николаевскую церковь слободы Часовни, что за р. Волгой; на 13-е въ Петро-Павловскую и на 14 въ Тихвинскую церкви, изъ послѣдней на 15 іюня ко всенощному бдѣнію Св. Икона подлежить принесенію въ Каѳедральный соборъ и отсюда, по окончаніи 15 іюня литургіи, имѣетъ быть изнесена и препровождена обратно въ Жадовскую пустынь.

4) Святая Икона переносится изъ одной церкви въ другую имѣть такимъ образомъ: причтъ той церкви, въ которую Св. Икона подлежить перенесенію, имѣетъ отправиться съ хоругвями въ ту церковь, гдѣ находится Св. Чудотворная Икона, и, въ сопровожденіи причта послѣдней, переносить Ее въ свою церковь при колокольномъ звонѣ въ обѣихъ церквахъ, при чемъ звонъ долженъ производиться и въ тѣхъ церквахъ, мимо коихъ торжественное шествіе со Св. Иконою будетъ слѣдовать; причты тѣхъ храмовъ, мимо которыхъ будетъ проходить Св. Чудотворная Икона изъ одного прихода въ другой, должны ступить на паперть своего храма: священникъ съ кадиломъ, а діаконъ съ возженной свѣчей, отдавая тѣмъ самымъ честь мѣстной Святинѣ.

5) Въ тѣ дни, когда Св. Икона будетъ находиться въ какой-либо церкви, отправлять въ послѣдней всенощное бдѣніе и литургии при благовѣстѣ въ большой колоколъ и звонѣ въ надлежащее время во всѣ колокола; послѣдній звонъ долженъ производиться и во внѣбогослужбное время — во все время нахождения въ церкви Св. Иконы.

6) Въ свободное отъ церковнаго богослуженія время дозволяется со Св. Иконою дѣлать ходы для молебствія по домамъ прихожанъ, а также разрѣшается принимать сію Икону и жителямъ ближайшихъ къ городу Симбирску приходскихъ селеній, если къ тому не встрѣтятся какихъ-либо препятствій, изъ монастырей же брать Св. Икону, по удовлетвореніи живущихъ въ нихъ, не возбраняется и постороннимъ, не въ далекомъ разстояніи отъ нихъ жительствовающимъ, но особенно въ общественныя заведенія.

7) Дома и квартиры обывателей въ районѣ того или другого прихода должны быть посѣщены со Св. Иконою неотступно по заранѣ намѣченному и объявленному настоятелемъ приходской церкви порядку, при чемъ настоятелю вмѣняется въ обязанность строжайшее наблюденіе за неуклоннымъ выполненіемъ означеннаго порядка сопровождающими

Св. Икону лицами. Во время нахождения въ церквахъ городскихъ учебныхъ заведеній Св. Икона можетъ быть принимаема, по желанію, во всѣ помѣщенія сихъ заведеній и въ квартиры при нихъ живущихъ начальствующихъ лицъ, преподавателей и служащихъ. Квартиры же или собственные дома преподавателей и другихъ состоящихъ при учебныхъ заведеніяхъ лицъ, находящіеся не въ сосѣдствѣ (рядомъ) съ учебнымъ заведеніемъ, а въ другихъ улицахъ и частяхъ города, имѣютъ быть посѣщаемы со Св. Иконою въ свое время въ порядкѣ очереди изъ той церкви, къ приходу которой эти квартиры и дома принадлежатъ. Правило сіе сопровождающими Св. Икону не должно быть нарушаемо ни подъ какими видами и въ отношеніи посѣщенія домовъ и квартиръ приходскихъ священниковъ, также находящихся въ отдаленіи отъ приходской церкви и состоящихъ въ районѣ другихъ приходоѡвъ. Равнымъ образомъ не должно быть отступленій отъ сего правила и для лицъ, служащихъ въ тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, и обывателей, которые почему-либо не будутъ имѣть возможности принять Св. Икону къ себѣ изъ приходской церкви, когда Она будетъ слѣдовать по приходу въ заранѣе намѣченномъ и объявленномъ настоятелемъ приходской церкви порядкѣ.

8) 15 іюня городское духовенство, по отправленіи въ своихъ церквахъ литургіи, благовѣсть къ началу которой долженъ быть въ 8 часовъ утра, съ крестами, хоругвями и св. иконами имѣеть собраться въ Каѡедральный соборъ къ 10 часамъ утра для молебнаго пѣнія и изнесенія Св. Иконы изъ гор. Симбирска въ Жадовскую пустынь.

9) По изнесеніи Св. Иконы изъ Каѡедральнаго собора, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, слѣдовать прямо по Верхне-Московской улицѣ и отъ Спасо-Вознесенскаго собора по Гончаровской улицѣ до Покровской, а затѣмъ—по Покровской, Сызранской и Александровской улицамъ на Большой Саратовскій трактъ.

10) Отъ назначеннаго мѣста за городомъ, по совершеніи тамъ литіи, Святую Икону до ближайшаго села Ключищъ

сопровождать изъ городского духовенства, по примѣру прежнихъ лѣтъ, двоимъ священникамъ, двоимъ діаконамъ и четырьмя псаломщикамъ по назначенію благочиннаго градо-Симбирскихъ церквей.

Преподано Архипастырское благословеніе съ выдачею грамотъ: 1) іеромонаху Симбирскаго Архіерейскаго дома Николаю за ревностное отношеніе къ благолѣпію Казанской (часовенной) церкви, что на Дворцовой улицѣ г. Симбирска; 2) крестьянской дѣвицѣ с. Береговыхъ Сыресь, Ардатовскаго у., Неонилѣ Климентовой Маштановой, пожертвовавшей въ церковь названнаго села 200 руб. на покупку новаго колокола; 3) крестьянкѣ дер. Лебедевки, Алатырскаго уѣзда, Агрипинѣ Кирюхиной, пожертвовавшей изъ своихъ средствъ 100 руб. на роспись стѣнъ внутри храма села Кобелевки, того-же уѣзда; 4) крестьянкѣ дер. Степановки, Карсунскаго уѣзда, Даріи Грибовой, пожертвовавшей изъ своихъ средствъ 100 руб. на тотъ-же предметъ; 5) купеческой женѣ Вѣрѣ Васильевой Карповой, пожертвовавшей изъ своихъ средствъ 125 руб. на полное священническое облаченіе въ церковь с. Лавы, Карсунскаго уѣзда и 6) крестьянину села Новоспасскаго, Сызранскаго уѣзда, Петру Леонтьеву Курепову за его безмездный, въ теченіе 17 лѣтъ, трудъ по управленію въ селѣ Загаринѣ, Сызранскаго уѣзда, церковнымъ хоромъ, отличающимся стройностью и искусствомъ исполненія.

Объявляется благодарность Епархіальнаго Начальства: 1) обществу крестьянъ села Александровки, Карсунскаго уѣзда, употребившему изъ своихъ средствъ въ 1913 году 350 руб. на окраску стѣнъ приходскаго храма снаружи и внутри; 2) обществамъ крестьянъ с. Кобелевки, Алатырскаго уѣзда и приходской дер. Степановки, употребившимъ въ 1913 году изъ своихъ средствъ 688 руб. на роспись стѣнъ внутри приходскаго храма и 220 руб. на обмѣнъ ста-

раго на новый колоколь вѣсомъ 110 пудовъ; 3) прихожанамъ села Заволжскаго Нижняго хутора, Сызранскаго уѣзда, за изысканіе на ремонтъ приходскаго храма 1363 р., церковному старостѣ названнаго села мѣщанину Д. Александрову и попечителю Ив. Данилову за труды по ремонту приходскаго храма; 4) церковному старостѣ села Кобелевки, Алатырскаго уѣзда, крестьянину Филиппу Леушкину за изысканіе 364 р. на роспись стѣнъ приходскаго храма.

Приходскому обществу трезвости села Полибина, Алатырскаго уѣзда, за плодотворную дѣятельность по насажденію трезвости, преподается Архипастырское благословеніе на дальнѣйшее существованіе.

Архіерейскія служенія.

16 марта, воскресенье—освященіе Александро-Невской церкви, что при Симбирской Губернской тюрьмѣ и литургія въ оной.

19 марта, среда 5-ой недѣли Великаго Поста—Канонъ Андрея Критскаго, въ Крестовой церкви.

21 марта, пятница 5-ой недѣли Великаго Поста—акаѳистъ Божіей Матери въ Крестовой церкви.

23 марта, воскресенье—литургія въ Крестовой церкви.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

10 марта. Псаломщическое мѣсто при ц. с. Николаевки, Сызранскаго уѣзда, зачислено за почталіономъ Сызранской почтовой Конторы Димитріемъ Мерзловымъ на правахъ исполняющаго обязанности.

11 марта. Псаломщикъ с. Козмина, Ардатовскаго уѣзда, Александръ Соколовъ перемѣщенъ въ с. Атяшево, Курмышскаго уѣздѣ.

13 марта. Псаломщикъ с. Сіавы, Алатырскаго уѣзда, Петръ Вѣтвинскій перемѣщенъ въ село Козмино, Ардатовскаго уѣзда.

14 марта. Псаломщикъ Покровской церкви г. Курмыша Василий Ховринъ, согласно прошенія, уволенъ отъ занимаемаго мѣста съ исключеніемъ изъ вѣдѣнія Епархіальнаго Начальства.

14 марта. Исполняющій должность псаломщика при церкви Симбирской Губернской тюрьмы Владиміръ Знаменскій перемѣщенъ въ с. Русскую Цыльну, Симбирскаго уѣзда.

16 марта. Псаломщикъ с. Болтина, Ардатовскаго уѣзда, Семень Марсальскій перемѣщенъ въ с. Бѣлый Ключъ, Карсунскаго уѣзда.

Псаломщикъ въ санѣ діакопъ Сызранской Троицкой церкви Ерминингельдъ Никольскій перемѣщенъ на праздную діакопскую вакансію къ той же церкви.

СВОБОДНЫЯ МѢСТА.

Священническія: Буинскаго уѣзда: въ селѣ Ново-Ильмовомъ Кустѣ; Курмышскаго уѣзда: въ Мальцевѣ, Бахаревѣ, Мамешевѣ; Алатырскаго уѣзда: Жабинѣ; Карсун. уѣз.: Никулинѣ.

Діакопскія: Ардатовскаго уѣзда: въ с. Симкинѣ, Архангельскомъ, Пугуровѣ, Каласевѣ, Резоватовѣ; Сызранскаго уѣзда: въ с. Поникомъ Ключѣ, Вязовѣ, Головинѣ при православной церкви; Курмышскаго уѣзда: Можаровомъ Майданѣ; Карсунскаго уѣзда: Палатовѣ; Буинскаго уѣзда: въ с. Протопоповѣ; Сенилевскаго уѣзда: Бештановѣ, Тереньгѣ; Симбирскаго уѣзда: въ с. Старомъ Никулинѣ, Алат. у.: при Алатырскомъ соборѣ.

Псаломщическія: Алатырскаго уѣзда: въ селѣ Кладбищахъ при единовѣрческой церкви, Чирковѣ, при Алатырской Казанской церкви, Жабинѣ, Сіавѣ; Сызранскаго уѣзда: Головинѣ при единовѣрческой церкви, при Петро-Павловской церкви гор. Сызрани, при Сызранской Троицкой церкви; Карсунскаго уѣзда: въ с. Кунѣвѣ, Коноплянѣ, Усть-Уренѣ; Ардатовскаго уѣзда: въ с. Семеновѣ, Репьевѣ,

Курмышскаго уѣзда: при Покровской церкви. Курмыша;
Симбирскаго уѣзда: Юшанскѣ, Слободѣ Канавѣ, при Сим-
бирской Губернской тюрьмѣ.

Комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ въ Буковинѣ и Галиціи проситъ о.о. членовъ поспѣшить присылкою суммъ, поступившихъ по воззваніямъ. Съ наступленіемъ весны бѣдствія голода становятся особенно чувствительны для бѣдныхъ Галичанъ, и тотъ даетъ вдвойнѣ, кто даетъ вовремя. Пожертвованія должны быть направлены на имя Казначея Комитета по адресу: г. Алатырь, священнику Казанской церкви о. Орлову.

Комитетъ по управленію Симбирскимъ Епархіальнымъ свѣчнымъ заводомъ во исполненіе журнальнаго постановленія, утвержденного Его Преосвященствомъ, доводитъ до свѣдѣнія владѣльцевъ пчелиныхъ пасѣкъ, что съ мая мѣсяца текущаго года во всѣхъ уѣздныхъ свѣчныхъ складахъ епархіи будетъ продаваться искусственная вошина по 90 коп. за фунтъ.

Московскіе лѣтніе регентскіе курсы

Общества Любителей Церковнаго Пѣнія

съ 16 Іюня по 22 Іюля 1914 г.

1. Общія положенія.

1. Лѣтомъ 1914 года, съ 16 Іюня по 22 Іюля, Общество Любителей Церковнаго Пѣнія устраиваетъ въ Москвѣ регентскіе курсы.

2. Курсы состоятъ изъ трехъ отдѣленій: младшаго (1 курсъ), средняго (2 курсъ) и старшаго (3 курсъ).

3. На первомъ курсѣ преподаются: а) элементарная теорія музыки и начальныя свѣдѣнія по гармоніи въ связи съ сольфеджіо; б) мелодическое осмогласіе (Московского напѣва) и теорія его; в) хоровое пѣніе; г) теорія постановки голоса; д) методика начальнаго обученія пѣнію; е) игра на скрипкѣ и на фортепiano.

На второмъ курсѣ преподаются: а) гармонія діатоническаго лада; б) сольфеджіо; в) церковное пѣніе—мелодическое знаменнаго роспѣва и обычное въ гармонизаціи; г) хоровое пѣніе; д) теорія постановки голоса; е) методика пѣнія; ж) игра на скрипкѣ и фортепіано.

На третьемъ курсѣ преподаются: а) гармонія; б) краткая энциклопедія высшихъ отдѣловъ теоріи музыки; в) сольфеджіо; г) русская церковно-музыкальная литература XIX вѣка; д) хоровое пѣніе; е) теорія выразительнаго исполненія; ж) организація хора; з) игра на скрипкѣ и фортепіано.

Примѣчаніе 1. Одинъ изъ инструментовъ обязательныхъ; изученіе игры на обоихъ инструментахъ предоставляется собственному усмотрѣнію каждаго слушателя.

Примѣчаніе 2. Хоровое пѣніе является общимъ урокомъ для всего состава курсовъ.

4. Занятія на курсахъ происходятъ ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ дней, съ 9—2 часовъ дня и съ 5—9 час. вечера.

Примѣчаніе. Каждый курсъ имѣетъ ежедневно 4 полныхъ часа для занятій теоретическими предметами и пѣніемъ. Вечерніе часы (съ 5 до 9) посвящаются урокамъ инструментальной игры, а также подготовкѣ заданнаго къ слѣдующему дню и упражненіямъ на скрипкѣ и фортепіано.

5. Преподавателями будутъ: П. В. Власовъ, А. В. Касторскій, А. В. Никольскій (музыкально-теорет. предметы) и А. Г. Вилкомирскій (инструменты). Каждый курсъ ведется однимъ преподавателемъ (за исключеніемъ уроковъ скрипки и фортепіано).

6. Для упражненія въ игрѣ на фортепіано при курсахъ имѣются рояли. Скрипка у каждаго слушателя, изучающаго игру на этомъ инструментѣ, должна быть своя.

7. При курсахъ имѣется бібліотека нотъ и учебныхъ пособій.

8. Плата за слушаніе каждаго курса—35 рублей.

Примѣчаніе 1. При платѣ 35 рублей каждый слушатель обучается на одномъ изъ инструментовъ. Лица, желающія изучать игру на обоихъ инструментахъ, доплачиваютъ 5 рублей (всего 40 рублей).

Примѣчаніе 2. Лица, уже обладающія умѣньемъ играть на скрипкѣ или фортепіано и желающія лишь усовершенствовать свою игру, могутъ пользоваться уроками инструментальнаго класса на общемъ основаніи при томъ условіи, если составится особая группа, не менѣе 5—6 человѣкъ; въ противномъ случаѣ уроки для такихъ лицъ могутъ быть предложены только по особому соглашенію съ г. преподавателемъ (отдѣльные уроки).

9. Слушателями курсовъ состоятъ лица обоого пола, не моложе 14 лѣтъ, грамотныя и обладающія нѣкоторымъ навыкомъ въ хоровомъ церковномъ пѣніи.

II. Условія поступленія на курсы.

1. Курсы могутъ быть открыты лишь при наличіи не мене 80 слушателей. Въ виду этого, заявленія о записи въ число слушателей необходимо сдѣлать заблаговременно, не поздне 1-го Мая.

2. Лица, опоздавшія сдѣлать заявленія къ указанному сроку, могутъ быть приняты въ число слушателей при условіи вакансій на курсахъ.

3. При заявленіи необходимо прилагать, въ счетъ платы за слушаніе, предварительный взносъ въ размѣрѣ 10 рублей. Въ случаѣ неприбытія на курсы, деньги эти будутъ возвращаться.

4. Въ заявленіи необходимо указать: а) точный адресъ, г) курсъ, на который предполагается поступить и в) какой инструментъ—скрипка или фортепіано—избирается для изученія.

5. Заявленія о желаніи слушать курсы, взносы, а равно и всевозможныя справки направлять къ завѣдующему курсами Александру Васильевичу Никольскому: Москва, Б. Афанасьевскій переулокъ, д. 27.

6. Пріемныя испытанія будутъ производиться 16 Іюня съ 9 час. утра.

7. Отъ поступающихъ на первый курсъ требуется: а) знаніе нотъ, т. е. ихъ изображенія, дѣленія, а также и названій въ ключахъ: скрипичномъ, басовомъ и цифрутномъ; б) умѣнье пѣть съ листа данную мелодію, по трудности приближающуюся къ обиходнымъ (по круглымъ и квадратнымъ нотамъ). Отъ поступающихъ на второй курсъ требуются знанія въ предѣлахъ программы перваго курса; отъ поступающихъ на третій курсъ требуются знанія въ предѣлахъ программы перваго и втораго курса.

8. Предъ началомъ занятій курсисты вносятъ полностью плату за обученіе; которая ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

III. Экзамены по окончаніи занятій.

1. По окончаніи занятій слушатели каждаго курса подвергаются испытанію въ знаніи пройденной программы.

2. Слушатели, выдержавшіе испытаніе, получаютъ свидѣтельства объ окончаніи пройденнаго ими курса за подписью председателя Совѣта Общества, членовъ Совѣта и преподавателей.

3. Лица, не выдержавшія испытанія, могутъ получать свидѣтельства о томъ, что они состояли слушателями того или другаго курса за подписью завѣдующаго курсами.

4. Экзамены по окончаніи занятій не обязательны.

Совѣтъ Общества Любителей Церковнаго Пѣнія

Къ свѣдѣнію слушателей.

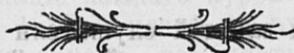
1. Для проживанія въ Москвѣ на время курсокъ необходимо имѣть при себѣ видъ на жительство.
2. Общество Любителей Церковнаго Пѣнія не беретъ на себя ни пріисканія квартиръ ни содержанія курсистовъ.
3. Стоимость частнаго квартирнаго помѣщенія и стола установить трудно, но приблизительно она такова: комната для одного отъ 10 до 15 рублей, а обѣдъ въ кухмистерскихъ отъ 12 рублей въ мѣсяцъ.

Отъ Комитета Симбирской епархіальной эмеритальной кассы

извѣщеніе.

Извѣщая о смерти: священника села Мамешева, Курмышскаго уѣзда, Александра Ивановскаго, заштатнаго священника с. Большой Рязани, Сызранскаго уѣзда, Алексѣя Агрова и псаломщика Симбирской Воскресенской церкви Николая Соловьева.

Комитетъ эмеритальной кассы приглашаетъ участниковъ кассы взаимопомощи сдѣлать въ пользу семействъ умершихъ установленные взносы.

Редакторъ, Секретарь Консистоіи А. Жуковъ.

Симбирскъ, Типографія. А. Т. Токарева.

Вильбирскія Старожитныя Вѣдомости.

1-го апрѣля.

№ 7.

1914 года

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

(Разумна ли вѣра въ Воскресеніе Христа?)

Многіе не вѣрятъ въ Воскресеніе Христа потому, что это событіе не бывало въ лѣтописяхъ міра, противорѣчащее всему опыту человѣческой жизни, исключаящее логическіе законы нашего мышленія и будто бы легко уязвимое во многихъ своихъ частяхъ.

Посмотримъ, насколько основательны возраженія современныхъ рационалистовъ и правы ли мы, признавая Воскресеніе Христа за историческій фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію.

* * *

Одни говорятъ:

Нельзя понимать Воскресенія Христова въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаете вы. Такое пониманіе должно предполагать собою смерть. Между тѣмъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что Иисусъ Христосъ на крестѣ не умеръ. Онъ только впалъ въ глубокой обморокъ, отъ котораго потомъ очнулся въ прохладной пещерѣ. Что такіе случаи вполне возможны были среди казненныхъ и распятыхъ на крестѣ, въ этомъ убѣждаетъ насъ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій. Онъ говоритъ, что, возвращаясь однажды съ похода, онъ замѣтилъ среди многихъ распятыхъ евреевъ трехъ своихъ близкихъ друзей, которыхъ снялъ со креста и даровалъ одному изъ нихъ жизнь, несмотря на то, что онъ довольно долго висѣлъ на крестѣ. Если возможно было вернуть къ жизни человѣка, довольно долго висѣвшаго на крестѣ, то

неужели же Христосъ, бывшій на крестѣ всего какой-нибудь день, не могъ очнуться въ свободной, прохладной пещерѣ? Конечно могъ.

Мы не раздѣляемъ такого рода мыслей. Мы не можемъ принять теорію мнимой смерти Христа. Несостоятельность ея очевидна сама собою и бросается въ глаза не только намъ, людямъ вѣры, но даже противникамъ христіанства. Давидъ Штраусъ, напримѣръ, насмѣшливо доказываетъ несостоятельность вышеупомянутой гипотезы слѣдующимъ разсужденіемъ: „если изъ трехъ распятыхъ, подававшихъ еще кой-какіе признаки жизни, удалось Іосифу Флавію, при самомъ тщательномъ уходѣ за ними, спасти лишь одного, то мало вѣроятно, чтобы очнулся и ожилъ безъ ухода за нимъ одинъ, не подававшій никакихъ признаковъ жизни“. А Христосъ дѣйствительно не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Напротивъ, по нѣкоторымъ даннымъ, можно было догадываться даже о его смерти. Такъ, изъ прободеннаго ребра потекла кровь и вода. Кровь же въ соединеніи съ водою течетъ изъ ранъ только мертвого человѣка, а не живого. Затѣмъ, человѣкъ съ пробитыми ногами, пишетъ проф. д-ръ мед. А. Шилтовъ („Мысли о Богочеловѣкѣ“), не только не могъ бы пройти на третій день три версты въ Эммаусъ, но, съ медицинской точки зрѣнія, онъ не могъ бы и стоять на ногахъ раньше мѣсяца послѣ снятія со креста*. *) Наконецъ, какъ справедливо замѣчаютъ сами рационалисты, „несчастный страдалецъ, полуживой, съ трудомъ выползшій изъ гробницы, нуждающийся въ самомъ внимательномъ уходѣ, и затѣмъ все-таки скончавшійся, не могъ бы произвести на учениковъ впечатлѣнія торжествующаго побѣдителя надъ смертью и могилою“.

Ну, хорошъ. На время мы допустимъ, что Христосъ не умиралъ, что онъ только впалъ въ глубокой обморокъ, отъ котораго послѣ очнулся въ холодной пещерѣ. Въ такомъ случаѣ Христосъ, какъ чистая и святая душа, долженъ былъ бы разсѣять ходячіе предразсудки, пріостановить учениковъ въ распространеніи подобнаго рода слуховъ, разъяснить впавшимъ въ заблужденіе происшедшее недоразумѣніе, ска-

*) Проф. Шилтовъ: „Гдѣ и какъ нужно искать живого Бога“. Харьковъ. 1910 г. стр. 24, гдѣ резюмирована цитируемая глава изъ книги: „Мысли о Богочеловѣкѣ“.

зять въ слухъ всѣхъ людей того времени, что онъ не воскресъ, а только лишь очнулся отъ глубокаго обморка. Однако ничего этого Христось не сдѣлалъ. Напротивъ, Онъ благословилъ апостоловъ на проповѣдь ученія о воскресшемъ Христѣ. Значить, Онъ дѣйствительно воскресъ. Въ противномъ же случаѣ, Онъ никогда не посмѣлъ бы прибѣгать для увеличенія Своей славы къ нечистоплотнымъ приемамъ. Это было не въ Его духъ. Противъ этого всегда горячо протестовала Его божественная душа.

Нѣтъ, раздающіеся голоса о мнимой смерти Спасителя на крестѣ не могутъ насъ смутить. Мы видимъ всю неосновательность, всю лживость подобнаго рода рѣчей. Мы твердо знаемъ, мы право вѣруемъ, что Иисусъ Христось умеръ на крестѣ.

Слышны другіе голоса:

Да, Христось умеръ на крестѣ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но можно думать, что Онъ не воскресъ, что вскорѣ послѣ Его смерти похитили тѣло Его и затѣмъ были распушены ложные слухи о Его воскресеніи. Вѣдь не даромъ первосвященники заботились о распространеніи такихъ слуховъ (Матѣ. 28 гл. 13—15 ст.).

Но кто же могъ похитить тѣло Спасителя Христа? Книжники? Первосвященники? Фарисеи? Не можетъ быть, потому что при первомъ извѣстіи о мнимомъ воскресеніи Христа они, какъ заинтересованные въ подавленіи подобнаго рода слуховъ, показали бы всѣмъ Его трупъ и этимъ, безспорно, положили бы конецъ всякимъ толкамъ, всякимъ слухамъ и предположеніямъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, изъ Евангелія Матѣя видно, что первосвященники и книжники даже боялись подозрѣнія на свой счетъ въ этомъ дѣлѣ.

„И сіи, собравшись со старѣйшинами и сдѣлавши со-вѣщаніе, говорится въ Евангеліи, довольно денегъ дали воинамъ и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; и если слухъ объ этомъ дойдетъ до правителя, мы убѣдимъ его и васъ отъ неприяности избавимъ“ (28 гл. 12—14 ст.). Если же первосвященники не только не были заинтересованы въ разглашеніи подобной вѣсти о Христѣ, но даже сильно опасались ея, то ясно, что они взять тѣла Христа не могли.

Можетъ быть воины римской стражи похитили Спасителя? Нѣтъ, и этого нельзя сказать. Они, прежде всего, со-всѣмъ не были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. А затѣмъ, при той желѣзной дисциплинѣ, какая царила въ римскомъ войскѣ, при той страшной ответственности, какой подвергались воины въ данномъ случаѣ, они никогда бы не рѣшились на столь опасное и рискованное предпріятіе. Остается, слѣдовательно, признать, что сами ученики Христа похитили тѣло своего Учителя и потомъ распространили слухъ о Его Воскресеніи.

Но если этого не могли сдѣлать ни книжники, ни перво-священники, ни воины, то апостолы тѣмъ болѣе не могли отважиться на это.

Люди, объятые страхомъ и ужасомъ, трусливо скрывшіеся изъ Геосиманіи, ни въ какомъ случаѣ не могли черезъ нѣсколько часовъ, среди ночи, на глазахъ римской стражи, проникнуть въ глубь пещеры, и похитить пречистое тѣло Христа Спасителя, да еще находясь въ состояніи душевнаго и тѣлеснаго изнеможенія.

Далѣе, за проповѣдь о Воскресеніи Христа апостоловъ преслѣдовали, мучили, сожигали на кострахъ, распинали на крестахъ. Спрашивается, какой же былъ для учениковъ расчетъ прибѣгать къ такому гнусному обману? Затѣмъ, какъ эта ложь могла продержаться? „Поневолѣ спрашиваешь себя, говоритъ баронъ Николаи, *) неужели эти простодушные рыбаки могли быть актерами, чтобы съ величайшимъ апломбомъ провозгласить завѣдомую ложь и затѣмъ до самаго конца своей жизни ни разу не выходить изъ своей роли? Неужели ни одинъ изъ нихъ не протестовалъ бы противъ такого обмана? Нѣтъ, ложь рано или поздно обнаружится и такой грубый обманъ не могъ бы долго оставаться скрытымъ“. Допустимъ на время, что апостолы дѣйствительно распространили ложные слухи о Воскресеніи Христа. Какъ же, спрашивается, имъ могли повѣрить? Какъ этому повѣрили Матерь Христа и Его братья? Послѣдніе при жизни Его не вѣрили въ Него. Неужели теперь ложь убѣдила ихъ. (Дѣян. ап. 1 гл. 14 ст.?) Какъ еще могъ повѣрить этой лжи такой умный самостоятельный мыслитель, какъ апостоль

*) Можетъ ли современный, образованный, мыслящій человѣкъ вѣрить въ Божество І. Христа. стр. 41. СПб. 1909 г.

Павель и многіе другіе? Совсѣмъ непонятно. Наконецъ, подобнаго рода предположеніе можно было бы допустить только въ томъ случаѣ, когда бы апостолы ожидали Воскресеніе своего Учителя. Но въ томъ то и дѣло, что они о Воскресеніи Христа даже и не помышляли. Поф. В. Несмѣловъ *) говоритъ, что „когда Христосъ ходилъ съ ними до своего страданія и предвозвѣщалъ имъ о своемъ предстоящемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, ученики недоумѣвали и даже не понимали значенія этого слова (Марк. 9 гл. 10; 31, 32 ст.)“ Неужели же они на третій день послѣ смерти Христа прибѣгли къ такой безсовѣстной, непонятной и невѣроятной для еврея выдумкѣ о Воскресеніи Спасителя съ расчетомъ, что имъ повѣрятъ? Такъ или иначе, но въ томъ и другомъ случаѣ придется допустить мысль, что нѣкоторые изъ учениковъ были сознательными лжецами и обманщиками.

А эта мысль совершенно ложная. Ее никто не раздѣляетъ. Къ ней всѣ относятся съ большимъ недоумѣніемъ. Если даже допустить, что ученики и апостолы похитили останки своего Учителя, то можно съ увѣренностью сказать, что такой ихъ планъ оказался бы вполне безплоднымъ.

Миръ не можетъ быть обращенъ въ новую вѣру подобными обманами и фокусами, продѣланными къ тому же такими людьми. Чтобы убѣдить другихъ, надо, чтобы проповѣдникъ прежде всего самъ былъ бы глубоко убѣжденъ въ истинности проповѣдуемой имъ идеи. Если же въ немъ самомъ нѣтъ этого убѣжденія, то другихъ увлечь за собою онъ никогда не сможетъ. **).

Итакъ, и эти разсужденія нашихъ религіозныхъ противниковъ нисколько не колеблютъ нашей вѣры въ воскресшаго Христа. Какъ прежде, такъ и теперь, мы твердо, ничуть не сомнѣваясь, можемъ сказать каждому встрѣчному: Христосъ Воскресе! и въ отвѣтъ на это привѣтствіе услышать такое же радостное, полное вѣры и надежды: „Воистину воскресе!“

Третье возраженіе. Оно самое распространенное и, нужно замѣтить, самое ложное. Разсмотримъ и его, чтобы вѣра наша не смущалась подъ напоромъ современныхъ рационалистическихъ идей и стояла всегда твердо, незаблемо.

*) Наука о человѣкѣ т. 2-й. Казань. Изд. 2-е. 1906 г. стр. 1—19.

**) „Древнія вѣрованія и новое знаніе“. Пер. съ англ. Nobody. СПб. 1909 г. стр. 161.

Говорятъ: Иисусъ Христосъ умеръ и не воскресъ. Но нѣкоторые ученики Его „благодаря своему возбужденному состоянію“, увидѣли призракъ Христа и вообразили, что видѣли самого Учителя. Съ тѣхъ поръ пошли слухи о Воскресеніи Господа. Иные же писатели, какъ, напримѣръ, Ренанъ, придають большое значеніе „истеричной“ природѣ Маріи Магдалины, высказывая предположеніе, что легенда о Воскресеніи исходила отъ нея.

Разберемъ по частямъ это возраженіе.

„Благодаря своему возбужденному состоянію“... Но вѣдь апостолы совсѣмъ не были въ возбужденномъ состояніи. Напротивъ, послѣ погребенія Христа Спасителя они находились въ подавленномъ состояніи, были убиты горемъ и ожидали чего угодно, только не Воскресенія своего любимаго Учителя. Спрашивается, чѣмъ же объяснить такую перемену отъ глубочайшей горести къ радости и увѣренности, которая не покидала ихъ до самой смерти, передавалась тысячамъ другихъ лицъ и подкрѣпляла ихъ въ страданіяхъ и мученической смерти. Неужели однимъ призракомъ?—Быть не можетъ.

„Апостолы и ученики Христа были слабонервные, истеричными“ . . . Напротивъ, это были коренастые, здоровые, здравомыслящіе рыбаки, которые не были расположены ни къ нервному разстройству, ни къ тому, чтобы повѣрить видѣніямъ другихъ людей.

„Они видѣли призракъ Христа“ . . . посмотримъ. Въ Евангеліи читаемъ: „Христосъ явился ученикамъ своимъ и сказалъ: посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Самъ; осяжите Меня и рассмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня. И сказавъ это, показалъ имъ руки и ноги. Когда же они отъ радости еще не вѣрили и дивились, Онъ сказалъ имъ: есть ли у васъ здѣсь какая пища. Они подали Ему часть печеной рыбы и сотоваго меда. И взявъ ѣлъ предъ ними“. (Лук. 24 гл. 39—43 ст.). Развѣ духъ можетъ ѣсть и пить? Развѣ привидѣніе можно осязать руками? Конечно нѣтъ.

Слѣдующее возраженіе. Оно самое слабое изъ вѣсхъ доселѣ разбиравшихся возраженій. Тѣмъ не менѣе и его подвергнемъ критической оцѣнкѣ, чтобы у насъ не возникало никакихъ сомнѣній и недоумѣній на счетъ основной христіанской истины.

Говорятъ, что въ Воскресеніи Христа было только воскресеніе Его души, а тѣлеснаго воскресенія вовсе не было.

Но вѣдь это абсурдъ. Евангеліе говоритъ о воскресеніи тѣла, а не духа. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, душа наша и при смерти и при убійствѣ тѣла не умираетъ, слѣдовательно, о воскресеніи духомъ и рѣчи не можетъ быть. Душа не воскресаетъ, потому, что она не умираетъ.

И потому, если Христось воскресъ, то плотію только. Остается послѣднее возраженіе.

Гордость современныхъ нѣмецкихъ богослововъ и крупный авторитетъ церковно-исторической науки А. Гарнакъ такъ объясняетъ фактъ Воскресенія Христова. „Пустого гроба не было“. Нѣсколько женщинъ и учениковъ „заглянули“ во гробъ и ошибочно подумали, что онъ пустъ хотя никто хорошенько не видѣлъ, чтобы тѣло Христа сдвинулось съ мѣста своего успокоенія. Эта ошибка естественно повела къ вѣрѣ, что Иисусъ Христось воскресъ, и эта вѣра стала вскорѣ проявляться въ видѣніяхъ, которыя, въ свою очередь, воздѣйствовали на вѣру, дѣлая ее все болѣе сильной и несомнѣнной и давая ей кажущееся обоснованіе. Отсюда о пустотѣ гроба постепенно забывали ученики, да она и потеряла для нихъ свое значеніе: важнѣе всего для нихъ, и особенно для ап. Павла, было не состояніе, въ которомъ найденъ былъ гробъ, а „явленіе Христа“.

Т. е. сущность теоріи Гарнака можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: Нѣсколько женщинъ увидѣли пустой гробъ. Рѣшили, что Христось воскресъ, рассказывали о пустотѣ и потомъ не догадались и не сочли нужнымъ еще разъ прійти къ опустѣвшему гробу.

Но и эта модная теорія не сможетъ поколебать нашей вѣры въ воскресшаго Христа. Слишкомъ ужъ она проста, груба и ошибочна.

Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что Симонъ Петръ вошелъ во гробъ, и самъ онъ послѣ вошелъ во гробъ, но никого и ничего кромѣ плата не было тамъ.

Какъ же послѣ этого можно говорить, что „нѣсколько женщинъ и учениковъ“ заглянули „во гробъ и ошибочно подумали, что онъ пустъ“?

Вѣдь такого рода рѣчи и разсужденія идутъ противъ текста, противъ показаній главныхъ очевидцевъ.

Нѣтъ, такими натяжками насъ не смутятъ.

Воскресъ, воскресъ Христось! Воистину воскресъ!

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы должны признать, что ни обманъ, ни самообманъ учениковъ никогда не могъ привести къ такимъ дивнымъ и долговѣчнымъ послѣдствіямъ. По неволѣ приходишь къ выводу, что такъ называемыя естественныя объясненія факта Воскресенія Христа требуютъ больше вѣры, чѣмъ евангельское изложеніе этого событія.

Братъ христіанинъ! Ты видишь, что истина Воскресенія Христа стоитъ твердо, незыблемо, посему не смущайся огромной толпой совопросниковъ вѣка сего, вѣруй твердо, и всѣмъ встрѣчающимъ тебя въ эти великіе и святыя дни говори твердо, убѣжденно: „Христось Воскресе“!

* * *

Трезвонятъ! Христось воскресъ!... Христось воскресъ!... Вы вѣрите?

Я вѣрю.. Это такъ широко, такъ смѣло, такъ полно глубокаго таинственнаго смысла... Говорятъ: будетъ время и наша земля обледенѣетъ и, какъ могила, будетъ, носиться въ пространствѣ... Но отчего такъ хочется жить? Отчего такъ хочется мечтать и вѣрить, что это вздоръ, призраки и только? *)

— Смерть не беретъ всего. Все разумное, свѣтлое, безсмертное остается... Оно все больше и больше осаждается на землѣ, какъ иней, и будетъ время—вся земля проснется въ одно утро разумною, свѣтлою, безсмертною... Христось воскресъ—это запѣвъ къ той жизни.

— Такой звонкій, красивый, вдохновенный запѣвъ. Онъ поднялся надъ землею рано, еще вся земля спала и не мечтала о иной жизни.

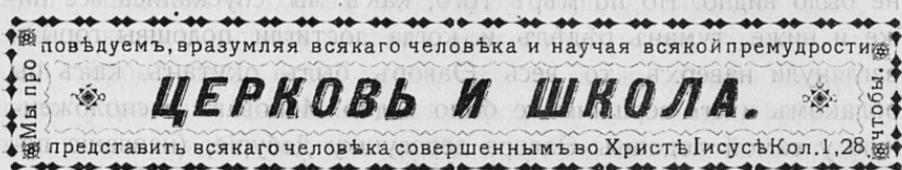
— Онъ прозвенѣлъ неожиданно, смѣло и чарующе и поманилъ туда, въ даль, въ иные края... Пусть люди не вѣрятъ, онъ звенитъ. Онъ будитъ тоску по иной жизни, онъ зоветъ... И если когда-нибудь люди совсѣмъ перестанутъ вѣрить въ него и онъ не поднимется больше къ небу въ пасхальную ночь, это будетъ означать, что земля уже обледенѣла и бессмысленно носится въ пространствѣ...

*) Кумовъ. „Безсмертники“, СПб.-1909 г. стр. 229.

— Пусть звонять колокола. Пусть шумять. Это—протестъ челоѣчества противъ своего одиночества, смерти, безсмысленности... Это вѣра, милая, дѣтская, трогательная вѣра въ свою весну, въ свои солнце, цвѣтъ, ласки, когда челоѣчество узнаетъ все, найдетъ счастье и отдохнетъ.

Христось Воскресъ!

Свящ. Ал. Введенскій.

Изъ дневника паломника во Св Землю.

(Отъ Оавора до Іерусалима).

28-е июня. Трудности путешествія по Палестинѣ вообще въ лѣтнее время увеличиваются еще нестерпимыми жарами. А посему паломники, посѣщающіе Св. Землю въ лѣтніе мѣсяцы, всегда стараются совершать свои поѣздки по возможности ранними утрами, чтобы въ обѣденное время воспользоваться необходимымъ отдыхомъ и избѣжать наиболѣе сильной жары подтѣнью перваго попавшагося убѣжища. Мы также имѣли это въ виду и еще съ вечера рѣшили какъ можно раньше распрощаться со священнымъ Оаворомъ и гостепріимными хозяевами, пріютившими насъ, и по холодку отправиться въ путь. Задумано—сдѣлано: въ три часа утра мы были уже на ногахъ. Темно. Густой туманъ окуталъ всю гору. Со сна утренняя свѣжесть особенно чувствительна—по тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Всѣ суетились, отыскивая своихъ осликовъ. Но прежде чѣмъ ѣхать мы еще разъ зашли въ храмъ помолиться, наскоро выпили чаю и, поблагодаривъ о. архимандрита (Пахомія) за его къ намъ вниманіе и гостепріимство, подъ звонъ колоколовъ начали спускаться съ горы. Думается, что у каждаго изъ насъ съ посѣщеніемъ Оавора будетъ навсегда соединяться одно изъ наилучшихъ воспоминаній нашего путешествія по Св. Землѣ. Мало того, что здѣсь насъ приняли какъ родныхъ, но еще и на дорожку позаботились снабдить провіантомъ. Съ вечера былъ заколотъ спеціально для насъ и зажаренъ цѣлый баранъ, а вмѣстѣ

съ послѣднимъ намъ были даны и сыръ, и хлѣбъ и виноградное вино, а когда мы уже садились на осликовъ отецъ архимандритъ долго упрашивалъ насъ взять огромнаго живого чернаго козла, котораго онъ тутъ же держалъ за рога, и намъ стоило большого труда отказаться отъ этого послѣдняго подарка.

При спускѣ съ горы, который гораздо легче, чѣмъ подъемъ, наши костюмы буквально были влажны отъ тумана, который былъ настолько густъ, что на нѣсколько шаговъ ничего не было видно. Но по мѣрѣ того, какъ мы спускались все ниже и ниже, туманъ рѣдѣлъ, и когда достигли подошвы горы и взглянули наверхъ, то весь Фаворъ былъ окутанъ, какъ бы облакомъ и его вершины не было видно. Миновавъ расположенную у самой подошвы Фавора деревушку Дебуріе, (название послѣдней производятъ отъ имени пророчицы Деворы, которая велѣла Вараку собрать ополченіе на Фаворѣ и на Фаворѣ-же, послѣ побѣды, воспѣла свою побѣдную пѣснь), мы вступили на Ездрилонскую долину. Эта долина представляетъ изъ себя остроугольный треугольникъ имѣющій отъ основанія до вершины (съ востока на западъ) 20 верстъ. Черезъ всю долину протекаетъ, выходящій съ Фавора, потокъ Кисонъ, которому, между прочимъ, долина и обязана своимъ плодородіемъ и весеннимъ роскошнымъ убранствомъ. Даже и теперь, несмотря на конецъ іюня, долина казалась громаднымъ зеленымъ ковромъ, то и дѣло перерѣзываемымъ множествомъ мелкихъ ручейковъ (развѣтвленіями Кисона), окаймленныхъ камышемъ и тростникомъ. Но, къ сожалѣнію, за малочисленностью населенія, плодородіе этой долины далеко не эксплуатируется надлежащимъ образомъ;—засѣянныхъ полей, на которыхъ съ успѣхомъ произрастаютъ злаки, хлопчатники, табакъ и пшеница, намъ приходилось встрѣчать сравнительно немного и между обработанными полосками земли то и дѣло встрѣчались мѣста, поросшія дикими травами и мелкимъ кустарникомъ. Полный контрастъ съ цвѣтущими видами и плодородіемъ описываемой долины представляютъ окаймляющіе ее холмы и Галилейскія горы, каменные склоны которыхъ совершенно голы, пустынно и своимъ мрачнымъ, угрюмымъ видомъ производятъ тяжелое впечатлѣніе.

Вотъ налѣво видны на довольно значительномъ разстояніи небольшія деревушки Аэндоръ и Наинъ, разбросанныя у подножія Кармилскихъ горъ, направо возвышается скалистая отвѣсная стѣна горы Сверженія; проѣхавъ послѣднюю, мы бросили

свой прощальный взоръ на выглянувшій изъ за горы Назареть и погрузились каждый въ свою думу. Весь нашъ караванъ растянулся въ одну длинную извилистую линію. На общемъ зеленомъ фонѣ равнины ясно выдѣлялись медленно двигающіяся бѣлыя фигуры путниковъ. Ослики идутъ бодро. Мы уже нѣсколько начинаемъ привыкать въ обращеніи съ ними и научились издавать по арабски особые гортанные звуки для ихъ понуканія (р.р... гишъ) и остановокъ (ш, ш, ш...), а вмѣстѣ открыли и секретъ направлять ихъ въ желаемую сторону; такъ для того, чтобы повернуть ослика направо, надо ударить его ладонью по лѣвой сторонѣ шеи, а если —налѣво, то по правой. Около восьми часовъ утра мы достигли желѣзнодорожной станціи Фуле и, остановившись здѣсь минутъ на 20, чтобы только напоить осликовъ, поѣхали дальше. Налѣво виднѣлись Солямъ—древній Сонамъ, гдѣ пророкъ Елисей воскресилъ сына сонамитянки (теперь Сонамъ представляетъ изъ себя маленькую деревушку, состоящую изъ нѣсколькихъ глиняныхъ мазанокъ), и Зеринъ—древній Изреель, когда то пышная столица царства Израильскаго, съ дворцомъ и садами, устроенными нечестивою царицею (езавелью на отнятомъ у Навуоѳея виноградникѣ. Теперь бывшая столица представляетъ изъ себя жалкую деревушку изъ нѣсколькихъ лачугъ. Около 11 часовъ утра мы достигли арабскаго селенія Мукебеле. Жара, а вмѣстѣ и усталость отъ непривычной верховой ѣзды на осликахъ да вдобавокъ еще безъ сѣделъ, побудили насъ сдѣлать здѣсь остановку. Мы расположились въ одной изъ арабскихъ хижинъ, чистота которой оставляла желать много лучшаго. Мебель отсутствовала, лишь въ одномъ углу былъ сдѣланъ небольшой помостъ, устланный циновками, на которомъ мы и помѣстились закусить чѣмъ Богъ послалъ и гдѣ кто сидѣлъ, тотъ тутъ и заснулъ, несмотря на тѣсоту, духоту и прочія неудобства. Послѣ двухчасового отдыха, мы, въ часть дня, поѣхали далѣе—въ Буркинъ. Путь пока еще лежалъ чрезъ Ездрилонскую долину. Оставивъ влѣво селеніе Дженинъ, которое соединяють съ евангельскимъ сказаніемъ объ исцѣленіи Иисусомъ Христомъ десяти прокаженныхъ мужей, мы выѣхали въ узкое ущелье, прорѣзывающее горный хребетъ Самарійскихъ горъ, которыя составляютъ здѣсь какъ бы естественную границу между Самаріей и Галилеей. По выходѣ изъ ущелья, налѣво—на нагорьѣ и расположено селеніе Буркинъ—мѣсто нашего сегодняшняго ночлега. Въ Буркинъ мы пріѣхали

часа въ 3 дня, сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ теченіе 11 часовъ 30 верстъ. Переѣздъ небольшой, но непривычный способъ ѣзды и короткій сонъ въ прошедшую ночь утомили порядочно. Въ Буркинѣ мы расположились въ домѣ одного араба, повидимому зажиточнаго субъекта и интеллигентнаго—говоритъ по англійски, у этого же хозяина квартируетъ и буркинскій православный священникъ—арабъ. Большая часть путниковъ помѣстилась въ большой комнатѣ, безъ всякаго убранства, съ однѣми лишь циновками на полу и далеко не безукоризненной чистоты, а человекъ пять-шесть расположились въ другой небольшой комнаткѣ, которая, видимо, служитъ кабинетомъ хозяина; все ея убранство состояло изъ стоящаго въ углу маленькаго столика, стула и кровати. Отведенныя намъ помѣщенія расположены другъ противъ друга и, чтобы попасть изъ одного въ другое, нужно пройти чрезъ небольшой внутренний дворикъ, окруженный высокою каменною стѣною. Здѣсь—на дворѣ, мы вскипятили себѣ въ котелкѣ кипятку, (болѣе подходящаго для этой цѣли сосуда не нашлось, а о самоварѣ, конечно, и нечего говорить). Напились чаю и закусили. Такъ какъ былъ канунъ Петрова дня, то мы рѣшили отслужить всенощную, благо,—съ нами ѣхалъ одинъ священникъ изъ Курской епархіи и іеродіаконъ-болгаринъ (студентъ Кіевской академіи). Православная церковка была какъ разъ не далеко отъ мѣста нашей остановки и по внѣшности напоминала скорѣе землянку или кузницу,—такъ она была мала и убога. Внутренность церкви вполнѣ соответствовала ея внѣшности. Гѣснота, темнота и сырость напоминали намъ погребъ, подъ потолкомъ птицы повисили себѣ гнѣздъ и тутъ же при насъ свободно летали по церкви здѣсь и тамъ видны слѣды ихъ пребыванія; иконостасомъ служитъ простая перегородка, съ повѣшенными на ней четырьмя-пятью иконами, никакъ не болѣе; одна половинка царскихъ вратъ отсутствуетъ,—у нея сломались петли и она стоитъ въ, алтарѣ, приставленная къ стѣнѣ; вмѣсто свѣчъ продаются огарки. Однимъ словомъ такой бѣдности, такого убожества намъ не приходилось еще видѣть. Да откуда взять и средствъ, чтобы болѣе—или менѣе благоустроить этотъ домъ молитвы: въ приходѣ всего насчитывается лишь душъ 10—15 православныхъ (прочіе буркинцы—арабы-мусульмане), да и они бываютъ дома лишь зимой, а въ остальное время года уходятъ на заработки. Нѣтъ здѣсь и столь радующаго душу христіанина колокольнаго

благовѣста, такъ какъ звонъ не разрѣшенъ. Вообще здѣшняя христіанская община можетъ служить типичнѣйшимъ образомъ печальнаго положенія христіанства на востокѣ, именно тѣхъ мѣстъ, гдѣ господствующимъ является исламъ. Послѣ все-нощной, совершенной частью на славянскомъ, частью на арабскомъ языкѣ, мы нѣкоторое время пободрствовали и расположились было спать; но увы, пришлось разочароваться въ надеждѣ на крѣпкій сонъ: клопы, блохи, москиты буквально осаждали насъ и не было никакой возможности заснуть хоть на полчаса. Посмотришь,—то тотъ, то другой бродятъ, ворча и ругаясь на ночныхъ хищниковъ. Наконецъ, чтобы не терять даромъ времени, рѣшили лучше ѣхать по холодку. Въ три часа разбудили каваса Назира (Назаръ), который долженъ былъ сопровождать насъ въ качествѣ охранителя отъ Назарета до Іерусалима, и стали собираться. Въ четыре часа утра мы ѣхали уже по направленію къ Севастидѣ чрезъ лежащую на пути деревню Селе.

29-е июня. Путь въ Селе очень живописенъ. Мы то поднимались, то опускались съ горы на гору, то ѣхали ущельями. Всюду зелень,—или трава, или засѣянные и уже почти созрѣвшія хлѣбныя поля. Ослики, отдохнувши на остановкѣ, шли бодро. Но не совсѣмъ бодро на первыхъ порахъ чувствовали себя сѣдоки—многіе изъ насъ, одолѣваемые дремотой послѣ безсонной ночи, то и дѣло клевали носомъ и лишь потомъ сонъ мало по малу прошелъ и мы, какъ говорятъ, „разгулялись“. Въ Селе мы пріѣхали въ 8 часовъ утра и здѣсь сдѣлали приваль. Уже зная по опыту неудобства и неприглядность арабскихъ хибаръ, мы предпочли расположиться на открытомъ воздухѣ, въ саду на травѣ. Здѣсь мы купили фунтовъ 10 не совсѣмъ еще созрѣвшихъ яблоковъ, которыя были немедленно съѣдены съ большимъ удовольствіемъ. Рядомъ съ садомъ протекаетъ источникъ съ чистою и холодною водою и около него постоянное движеніе, то женщины моютъ бѣлье, то приходятъ за водою съ кувшинами на головѣ, тутъ же рѣзвятся дѣти, плескаясь водою. Толпа любопытныхъ дѣтишекъ окружила и насъ, изъ которыхъ одни предлагали намъ яблоки, а больше протягивали руки за „бакшишемъ“. Но мы, привыкшіе уже къ подобнымъ сценамъ, не обращали вниманія на назойливость „бакшишниковъ“. Въ 9 часовъ мы были уже на пути въ Севастиду. Дорога лежала чрезъ Самарійскія горы, двигаться приходилось съ большимъ

трудомъ и очень медленно. Жара стояла невыносимая, къ тому же и бессонная ночь дала себя знать—мы страшно утомились, жажда мучила насъ. Нѣкоторые даже начали сожалѣть, что избрали именно этотъ путь въ Иерусалимъ, и не поѣхали въ экипажахъ на Кайфу и далѣе моремъ. Въ нетерпѣннiи мы то и дѣло спрашивали—скоро ли Севастиды? Ну вотъ направо отъ дороги, среди вспаханной земли, виденъ цѣлый рядъ колоннъ,—это оставшіяся руины отъ когда то прекраснаго храма Ирода Великаго, воздвигнутаго имъ въ честь римскаго императора Октавія Августа. Теперь эти колонны, сдѣланныя изъ палестинскаго известняка, пострадавшія отъ времени и непогодъ, безъ капителей лишены всякой прелести и даже неприятны на видъ. Отъ этихъ колоннъ недалеко уже и Севастія, въ которую мы и пріѣхали въ 11 часовъ.

Нынѣшняя деревушка Себустіа, расположенная по склонамъ высокаго круглаго холма, замѣтно выдѣляющагося среди прочихъ высотъ и господствующаго надъ обширной прекрасной долиной къ западу, выросла на развалинахъ древней столицы царства Израильскаго—на развалинахъ Самаріи. Было время, когда этотъ холмъ принадлежалъ частному лицу—хананеянину Шемуру и назывался Шомронъ (Семеронъ). Амврій, царь Израильскій, купилъ этотъ холмъ и построилъ на немъ городъ (около 925 г. до Р. Хр.), назвавъ его по имени прежняго владѣльца горы „Самаріей“, которую и сдѣлалъ своею столицей. По имени послѣдней и вся средняя часть Палестины стала называться также Самаріей. Разрушенная Салманассаромъ, царемъ Ассирійскимъ, столица снова было возродилась при «самарянахъ» и вторично была разгромлена Александромъ Македонскимъ и т. д. Наконецъ, въ 30 году до Р. Хр. Самарія была отдана кесаремъ Августомъ Ироду Великому, который расширилъ ее, украсилъ прекрасными постройками (амфитеатромъ, храмомъ въ центрѣ города) и переименовалъ въ честь Августа «Севастіей», что по гречески равнозначуще латинскому «augustus», т. е. до-стопочтенный.

Современная Себустіа мало напоминаетъ собою бывшее величіе города Ирода Великаго—это убогая деревушка изъ нѣсколькихъ десятковъ глиняныхъ мазанокъ; между ними кое-гдѣ торчатъ мраморныя пьедесталы, цилиндрическія колонны и прочіе жалкіе остатки былаго величія, а наиболѣе подходящее изъ этихъ остатковъ использовано туземными жителями въ каче-

ствѣ строительнаго матеріала на свое жилье. Такимъ образомъ воочію исполнилось пророчество Михея: „И положу Самарію во овощное хранилище сельное, и въ садъ винограда, и развергу въ пропасть каменіе ея и основаніе ея отворю“ (1 гл., 6 ст.). Единственною достопримѣчательностію и святынею деревушки, посѣщаемую всѣми паломниками, является „гробница Іоанна Крестителя“. Нѣкогда надъ этою гробницею стоялъ христіанскій храмъ во имя св. Іоанна Крестителя, теперь же здѣсь мусульманская мечеть. Чтобы проникнуть въ пещеру—гробницу, надо сначала спуститься по узкой, темной лѣстницѣ въ 20 ступеней и Вы попадете въ подземную сводчатую комнату. Но не здѣсь еще святое мѣсто, входъ въ послѣднее замурованъ каменною стѣною, съ тремя круглыми отверстіями, въ которыя и молятся мусульмане. Мы просовывали въ эти отверстія зажженные свѣчи, но ровно ничего не видали. Преданіе говоритъ, что, вмѣстѣ съ Іоанномъ Предтечею, здѣсь погребены пророки Авдій и Елисей. Выбравшись изъ подземелья, мы прошли во дворъ мечети; онъ весь устланъ четырехугольными мраморными плитами, безусловно остатками отъ древнихъ сооружений, отъ послѣднихъ здѣсь же сохранились двѣ громадныя, высокія мраморныя колонны, съ лежащею на нихъ частью карниза, съ вычурною барельефною орнаментикою. Послѣ осмотра насъ пригласилъ пріѣхавшій сюда съ другими турками и расположившійся на дворѣ для отдыха „кади“ (судья) изъ Наблуса. Когда мы взошли къ нему, то увидѣли чисто восточную картину—всѣ сидѣли на помостѣ, поджавъ ноги „калачикомъ“, пили кофе и мирно о чемъ то бесѣдовали. Мы расположились такимъ же образомъ и выпили по предложенной намъ маленькой чашечкѣ крѣпкаго кофе, безъ сахара. Но засиживаться было некогда. Мы распрощались съ почтеннымъ собраніемъ и съ большою неохотою двинулись далѣе въ путь. Никогда еще, кажется, мы не испытывали такой сильной жары, какъ теперь. Солнце стояло прямо надъ головою и готово было совсѣмъ испечь насъ. Да къ тому же и дорога пролегла чрезъ крутыя и высокія горы; то и дѣло приходилось то подниматься, то опускаться по узкимъ и извилистымъ горнымъ тропинкамъ. По мѣстамъ путь былъ такъ крутъ, что осликъ изъ горизонтальнаго положенія принимаетъ вертикальное и, чтобы не свалиться, откидываешь или всѣмъ корпусомъ назадъ, или же припадаешь впередъ. Особенно жутко было ѣхать тамъ гдѣ тропинка шла по краю обрыва и по на-

висшимъ надъ нимъ скаламъ,—вотъ, вотъ сорвешься и полетишь внизъ... Въ такихъ мѣстахъ всецѣло уже ввѣряешь себя ослику, который, въ данномъ случаѣ, является прямо таки незамѣнимымъ животнымъ: онъ, при своей выносливости, удивительнымъ образомъ лавируетъ между громадными скалами и не ступитъ ни одного шагу, прежде чѣмъ не попробуетъ ногами, а можетъ ли выдержать его тяжесть та или другая скала.

Только тогда мы вздохнули свободно, когда версты за три до Наблуса выбрались изъ горъ и вступили на ровную шоссеиную, широкую дорогу. Но ослики уже сильно утомились и, несмотря на хорошую дорогу, шли черепашьемъ шагомъ. Около трехъ часовъ дня мы проѣхали мимо Наблуса (10 верстъ, отдѣляющія Наблусъ отъ Севастіи, мы тащились четыре часа)—древняго Сихема, довольно красиво раскинушагося на далекое пространство между горами Геваломъ и Гаризиномъ, преимущественно по склонамъ послѣдняго. Въ самый городъ мы не рискнули заѣзжать и предпочли объѣхать мимо. Причиной сему крайняя фанатичность мусульманскаго населенія (изъ 20000 жителей Наблуса лишь нѣсколько сотъ православныхъ христіанъ, полтораста самарянъ, немного евреевъ, а всѣ прочіе жители—мусульмане), враждебно относящагося къ христіанамъ. Непріязнь эта не замедлила отчасти проявиться по отношенію и къ намъ. Лишь только мы сравнялись съ городомъ, какъ какой то господинъ загородилъ намъ дорогу, довольно нахально требуя съ насъ плату за право проѣзда по шоссе (?!), чуть ли не по 20 коп. съ человѣка. Предоставивъ кавасу и руководителю объясняться съ нахаломъ, мы, по данному намъ знаку, сбѣжали скорѣе миновать негостепримный городъ и издали видѣли, какъ этотъ господинъ побѣждалъ въ ближайшую улицу, сильно жестикулируя и что то выкрикивая, какъ мы догадывались, по нашему адресу (руководитель не далъ ему ни одной копѣйки). И какъ только мы стали подъѣзжать къ другому концу города, какъ тотъ же субъектъ, въ сопровожденіи уже троихъ, опять сталъ требовать съ насъ «бакшишъ». Чтобы избѣжать неприятели, ему дали за всѣхъ два піастра (20 коп.), чѣмъ проситель, видимо, удовлетворился и оставилъ насъ въ покоѣ. Черезъ 1/2 часа мы прибыли, наконецъ, къ колодцу Іакова, который находится нѣсколько влѣво отъ дороги, на разстояніи одной версты отъ Наблуса къ югу, и здѣсь сдѣлали продолжительную остановку. Въ настоящее время у колодца Іакова паломники находятъ убѣжище

въ построенномъ греками небольшомъ домикѣ—подворьѣ, огороженномъ высокою стѣною, тутъ же, рядомъ съ небольшимъ дворикомъ, разбитъ грушевый и масличный садикъ. Отдохнувъ подъ тѣнью старыхъ маслинъ, мы пошли осматривать священный колодезь Іакова. Послѣдній открытъ изъ подъ развалины древняго храма не болѣе какъ лѣтъ 25, въ алтарѣ котораго находится и самый колодезь. Монахъ, сопровождавшій насъ, опустилъ въ колодезь на длинномъ шнуркѣ зажженную свѣчу, чтобы намъ видѣть его глубину. Колодезь дѣйствительно очень глубокъ (27 аршинъ), но это еще не настоящая его глубина, такъ какъ онъ окончательно пока еще не очищенъ отъ мусора.

Весною въ колодецѣ бываетъ вода. Внутри онъ имѣетъ круглую форму, съ саженымъ діаметромъ и стѣнки кругомъ искусно обложены камнемъ. Въмѣсто наружнаго сруба надъ колодцемъ лежитъ камень—монолитъ (дикарь), имѣющій $1\frac{3}{4}$ арш. длины, $1\frac{1}{4}$ арш. ширины и $1\frac{1}{2}$ четверти вышины, по срединѣ этого камня круглое въ колодецѣ отверстіе, имѣющее три четверти въ діаметрѣ. За колодцемъ на возвышеніи за завѣсой стоитъ престоль (послѣ нашего посѣщенія, какъ писали, надъ колодцемъ греки построили церковь), а надъ нимъ икона, изображающая сидящаго на колодецѣ Христа и бесѣдующаго съ самаряною, пришедшею сюда за водой. Облицованъ ли былъ внутри колодець или нѣтъ во времена Христа и тотъ же ли самый камень лежитъ надъ нимъ?—сказать нельзя; несомнѣнно лишь то, что по исконному преданію именно у этого колодца происходила бесѣда Христа съ самаряною. Въ Палестинѣ, говоритъ Станлей, есть только два мѣста, о которыхъ съ положительною увѣренностью можно сказать, что на нихъ ступали ноги Христа Спасителя, именно: у колодца Іакова въ Сихемѣ и на поворотѣ дороги у Виваніи черезъ гору Елеонскую, откуда впервые открывается видъ на Іерусалимъ. Можно думать, что Спаситель сидѣлъ у колодца лицомъ къ юго-западу, потому что Онъ говорилъ о Гаризимѣ, какъ о „горѣ сей“, и, вѣроятно, указывалъ на нее головой или рукой, предрекая, что „наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ... будутъ поклоняться Отцу, а въ духѣ и истинѣ“ (См. Ев. Іоанна V гл., 21 и 23 ст.). Отслуживъ у колодца молебень, мы осмотрѣли развалины древняго храма, какъ предполагаютъ, отъ времени еще св. царицы Елены и Константина, открытыя лѣтъ 30 тому назадъ. Въ настоящее время отрытъ фундаментъ храма,

часть стѣнъ, массивныя гранитныя колонны и часть мозаичнаго пола. Передъ самымъ отъѣздомъ нѣкоторые изъ насъ сходили въ находящееся неподалеку отъ колодца, къ сѣверу, почти у подножія Гевала, маленькое оштукатуренное зданіе, въ которомъ, по преданію, находится гробница Іосифа, любимаго сына патріарха Іакова. Это мѣсто принадлежитъ Самарянской общинѣ, и за осмотръ гробницы взимается съ христіанъ „бакшишъ“. Уплатили послѣдній и мы, хотя и смотрѣть то здѣсь, собственно говоря, было нечего, — въ упомянутомъ зданіицѣ стоитъ массивное каменное надгробіе, покрытое покровами, вотъ и все, что мы здѣсь видѣли.

Къ довершенію библейскихъ воспоминаній, связанныхъ съ данною мѣстностью, должно упомянуть еще о горахъ — Геваль и Гаризимъ. Обѣ эти горы стоятъ одна противъ другой — Геваль на сѣверѣ, а Гаризимъ на югѣ. Между ними, когда то лежалъ древній Сихемъ, поднимаясь на ихъ склоны, какъ на плечи (Сихемъ — значитъ плечо), теперешній же Наблусъ — Сихемъ нѣсколько отдалился отъ Гевала и почти всѣ городскія постройки расположены за сѣвернымъ склономъ Гаризима. Во дни Іисуса Навина, когда Евреи перешли черезъ Іорданъ, на послѣднемъ, какъ гласитъ Библія, стояли 6 колѣнъ Израильскихъ и произносили благословеніе соблюдающимъ законъ, а на Геваль — остальные шесть колѣнъ произносили проклятіе нарушителямъ закона. Собственно самыя благословенія и проклятія читались громогласно Левитами, стоявшими въ долинѣ между этихъ горъ, а съ вершинъ послѣднихъ раздавалось громогласное „аминь“ (Второз. XXVII гл., 1. Нав. VIII; 30—35). Вслѣдствіе близости горъ благословляющіе и проклинаящіе безусловно слышали другъ друга. Впослѣдствіи на Гаризимѣ былъ знаменитый Самарійскій храмъ, воздвигнутый Самарянами въ противовѣсъ Іерусалимскому храму (Зоровавеля) и срытый І. Гирканомъ. Помимо указанныхъ историческихъ воспоминаній, Гаризимъ и Геваль приковываютъ взоръ путника и своею массивностью. Угловатая Гаризимскія громады утесовъ, какъ бы громоздящіяся другъ на друга, убѣгаютъ ввѣрхъ болѣе чѣмъ на четыреста сажень, а Геваль, весь въ скалистыхъ террасахъ, нѣсколько даже выше Гаризима. Грязно-сѣроватые крутые склоны той и другой горы, со стороны колодца Іакова, совершенно лишены какой бы то ни было растительности, что придаетъ имъ какой то угрюмый и суровый колоритъ.

Солнце было уже на закатѣ, когда мы тронулись дальше — въ Люббанѣ, гдѣ намѣрены были переночевать. Короткія на востокѣ сумерки быстро перешли въ прохладную, звѣздную и темную ночь. Мы ѣхали по шоссе, выстроившись въ два ряда, и хранили полное молчаніе, чтобы не привлечь на себя вниманіе ночныхъ хищниковъ-бедуиновъ, которые, какъ мы слышали, пошаливаютъ въ этой мѣстности. Каждый шорохъ и шумъ, особенно слышный въ ночной тишинѣ, невольно заставлялъ насъ внимательно прислушиваться, волноваться и тѣснѣ жаться другъ къ другу. Вдругъ гдѣ то невдалекѣ раздался выстрѣлъ и неистовый крикъ кочевниковъ-бедуиновъ. Мы перетрусили, остановились тѣснымъ кольцомъ. Часть вооруженныхъ проводниковъ остановилась сзади насъ, а часть спереди, а главный кавасъ поскакалъ впередъ на развѣдки. Минуть черезъ 10 онъ вернулся и успокоилъ насъ. Мы поѣхали впередъ съ еще большими предосторожностями. Часа черезъ два мы начали утомляться, хотѣлось спать. Но спать было нельзя,—шоссейный путь какъ разъ кончился и начались обычные крутые подъемы и спуски по совершенно невиднымъ изъ-за ночной темноты горнымъ тропинкамъ. Несмотря на осторожность, съ какою двигались ослики, они часто оступались и слышно было, какъ вырвавшіеся изъ подъ ногъ камни долго катились куда то внизъ, пока ихъ не задерживало на пути какое либо препятствіе. Послѣ одного изъ получасовыхъ спусковъ, мы очутились въ какомъ то ущельѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ громадами горъ, и думается что если бы днемъ взглянуть на только что пройденный нами спускъ, то, навѣрное, пришлось бы удивляться, какъ это никто изъ насъ не поплатился своею головою. Изъ ущелья мы опять стали подниматься на какую то гору. опять спускаться и т. д. Это лазаніе по горамъ страшно утомило и насъ и нашихъ осликовъ, которые, несмотря на всю свою выносливость, часто со стономъ падали подъ нами. Но вотъ вдали показались огоньки. Слава Богу, скоро Люббанѣ и мы отдохнемъ. Около двухъ часовъ ночи мы были въ Люббанѣ и остановились, собственно, не въ самомъ селеніи, а внѣ его, въ какой то лачугѣ, стоящей при дорогѣ и предназначенной для безвозмезднаго пользованія утомленныхъ путниковъ. О Боже! что это только за помѣщеніе,— это въ буквальномъ смыслѣ слова собачья лачуга, сложенная небрежно изъ неотесанныхъ камней и покрытая соломой, жидко набросанной на хворостъ и населенная, какъ мы узнали потомъ,

мирадами разнаго рода паразитовъ. Всѣмъ помѣститься въ этой лачугѣ нечего было и думать, да, пожалуй, и не стоило, и нѣкоторые изъ насъ расположились спать прямо подъ открытымъ небомъ, близъ дороги. Черезъ какія нибудь 10 минутъ всѣ спали, какъ убитые—такъ сильно всѣ утомились; да какъ и не утомиться,—вѣдь сегодня мы были въ дорогѣ 17 часовъ и проѣхали почти шестьдесятъ верстъ!

30-е июня. Въ 5 часовъ утра мы были уже на ногахъ, и когда осмотрѣлись, то увидѣли окруженными себя со всѣхъ сторонъ высокими горами. Прямо передъ нами былъ источникъ, на который уже изъ близъ лежащаго селенія женщины пришли за водой, тутъ же толпились ослы и верблюды проходящаго мимо каравана. Надъ всею долиною и по горамъ стелется густой туманъ, неприятно пронизывающій черезъ легкіе костюмы. Пустивъ осликовъ порсжнякомъ, мы пѣшкомъ стали взбираться на высокую гору. Когда подъемъ былъ конченъ, мы присѣли отдохнуть. Горныя вершины были освѣщены показавшимся уже солнцемъ; внизу передъ нами глубокое ущелье, скрываемое густыми облаками тумана, который поднимался все выше и выше; недалеко слышны бубенцы приближающихся осликовъ. Когда послѣдніе подошли, мы сѣли на нихъ и поѣхали по шоссеиной дорогѣ, идущей отсюда непрерывно до самаго Іерусалима и красиво извивающейся между высокими—высокими горами. Изъ подъ ногъ то и дѣло выбѣгали ящерицы, хамелеоны и прочіе гады, которыхъ въ Палестинѣ вообще очень много; и во время нашего трехдневнаго пути постоянно можно было видѣть, какъ эти гады, сидя на камняхъ и грѣясь на солнцѣ, съ любопытствомъ посматривали на насъ или же испуганно спѣшили укрыться между камнями. Мы ѣхали по живописной долинѣ „Вади-эль-Гараміэ“ (т. е. „разбойничья долина“). Склоны высокихъ горъ покрыты зеленью, а по мѣстамъ даже цѣлыми масличными рощами и, по всей вѣроятности, населенными животными, такъ какъ намъ неоднократно приходилось видѣть на высокихъ склонахъ горъ граціозныхъ горныхъ козочекъ, испуганно укрывавшихся отъ насъ между разсѣлинами громаднхъ скалъ. Солнце уже высоко стояло надъ головою и палило немилосердно. Жажда мучила насъ. Но вотъ черезъ четыре—пять часовъ мы достигли селенія „Айнъ-Синья“ и какова же была наша радость, когда мы узнали, что здѣсь насъ уже ожидаютъ присланные за нами изъ Іерусалима „кароссы“ (легкіе и удобные экипажи для

4—5 человекъ, закрытые сверху и съ боковъ натянутою парусиною). Нашимъ мытарствамъ пришелъ конецъ. Да, тяжело было избранный нами путь, но зато онъ далъ намъ полное представление о природѣ Св. Земли, что, вмѣстѣ съ встрѣчающимися по пути святынями и прочими историческими достопримѣчательностями, вполнѣ вознаградило наши труды.

Разставаясь съ осликами, мы щедро наградили ихъ хозяевъ, а сами расположились въ одномъ изъ садиковъ отдохнуть подъ тѣнью маслинъ и подкрѣпить свои упавшія силы. Сознаніе близости цѣли вернуло намъ бодрость духа; всѣ чувствовали себя прекрасно. Нетерпѣніе скорѣе увидѣть святой городъ потопило насъ съ отдыхомъ и въ 11 часовъ мы уже быстро катили на пяти тройкахъ по шоссе. Мѣстность становилась все мрачнѣе и суровѣе. Растительности никакой. Мы были уже въ окрестностяхъ Іерусалима. Черезъ часъ мы достигли деревушки Бетинъ—древній Веѣиль, часто упоминаемый въ Библии. „Авраамъ поставилъ свой шатеръ въ Веѣилѣ.. и создалъ тамъ жертвенникъ Богу (Быт. 12,8). Веѣиль былъ мѣстомъ соннаго видѣнія Іакову небесной лѣствицы (Быт. XXVIII, 10—32); Веѣиль служилъ временнымъ мѣстопребываніемъ Ковчегу Завѣта (Суд. XX, 26—27). Іеровоамъ воздвигъ здѣсь служеніе „золотому тельцу“, ниспровергнутому потомъ благочестивымъ царемъ Іосією и т. д. Въ Веѣилѣ мы не останавливались, а проѣхали прямо до селенія Эль-Бирэ (древній Беероѣ), то самое селеніе, въ которомъ, по преданію, Пресвятая Дѣва и Іосифъ Обручникъ, возвращавшіеся изъ Іерусалима съ праздника Пасхи, замѣтили отсутствіе двѣнадцати-лѣтняго Отрока Іисуса (Ев. Луки II гл., 43—47 ст.). Черезъ 20 минутъ мы ѣхали дальше. Еще нѣсколько поворотовъ и нашъ возница, торжественнымъ жестомъ показывая по направленію къ Іерусалиму, крикнулъ: „Іерусалимъ“. Лошади остановились, мы всѣ повыскочили изъ карросовъ. Вдали возвышалась знаменитая Елеонская колокольня и часть іерусалимскихъ зданій, сливающихся въ общую сѣрую массу. Итакъ, вотъ тотъ святой городъ, откуда изыде спасеніе всему міру! вотъ главная цѣль нашего путешествія! Сердце билось ускореннымъ темпомъ. Голова работала усиленно,—всѣ свяшенно-историческія воспоминанія, связанныя съ Іерусалимомъ, припомнились моментально. Всѣ горѣли желаніемъ поскорѣе въѣхать во святой градъ. Вотъ миновали Раму и Гиву Веніаминовы и остановились на горѣ Скопусъ, (возвышается съ сѣверной стороны),

съ которой весь Іерусалимъ виденъ, какъ на ладони. Особенно рельефно на общемъ фонѣ каменныхъ построекъ выдѣляются мечеть Омара и русскій соборъ во имя Св. Троицы, съ расположенными около него грандіозными русскими постройками. Гораздо труднѣе было отыскать куполь храма Гроба Господня, который какъ то сливался съ тѣсно примыкающими къ нему кругомъ городскими постройками. Въ три часа дня мы подъѣзжали къ Сергіевскому подворью. Здѣсь насъ немедленно размѣстили по номерамъ и тутъ же, какъ были, въ дорожныхъ костюмахъ, даже не умывшись, направились въ храмъ миссіи, чтобы, по заведенному для паломниковъ обычаю, отслужить Господу Богу благодарственный молебенъ за благополучный исходъ многотруднаго и продолжительнаго путешествія. Послѣ молебна намъ былъ предложенъ обѣдъ въ столовой второго класса, гдѣ мы бесплатно столовались за все время нашего 10-ти дневнаго пребыванія въ Іерусалимѣ. Позднѣе вечеромъ сходили въ „русскую“ баню и, выработавъ за чаемъ порядокъ осмотра святынь Іерусалима и его окрестностей, въ 10 часовъ вечера разошлись по номерамъ. Излишне было бы распространяться о томъ, сколь пріятно было въ этотъ вечеръ наше самочувствіе. Только что испытанное ощущеніе отъ вступленія во св. градъ; русскій молебенъ въ русской церкви; русская трапеза въ удобной и свѣтлой столовой, украшенной множествомъ образовъ, среди привѣтливыхъ русскихъ людей,—все это, взятое вмѣстѣ, сообщаетъ душѣ паломника чувство полного удовлетворенія. На душѣ было пріятно и легко и какъ то празднично и свѣтло. Настроеніе внутренняго покоя и глубокаго мира вполнѣ соответствовало мѣсту нашего пребыванія—св. Іерусалиму, воплощающему, какъ извѣстно, въ самомъ имени своемъ великую идею мира.

День 30-го іюня, какъ справедливо пишетъ одинъ изъ товарищей—паломниковъ, „на всю жизнь останется для насъ высоко-знаменательнымъ и незабвеннымъ днемъ. Въ этотъ день мы вступили въ священныя стѣны св. града, гдѣ двадцать вѣковъ тому назадъ Великій Учитель и Господь Нашъ Іисусъ Христосъ, вмѣстѣ со своими избранными учениками и апостолами жилъ и дѣйствовалъ, училъ и пострадалъ, умеръ и воскресъ, и откуда, по воскресеніи Его, какъ изъ нѣкоего духовнаго центра, во всю землю изыде вѣщаніе истинъ Евангельскаго ученія и во всѣ концы вселенной мощные и немолчные глаголы жизни вѣчной“.

А поэтому вполнѣ понятно „то глубоко—радостное и вы-

соко-отрадное чувство священнаго восторга и святого умиленія, которое охватило каждаго изъ насъ, при видѣ этой величайшей святыни всего христіанскаго міра, этого святаго града христіанской поэзіи, священныхъ воспоминаній и святыхъ настроеній, этого великаго славнаго мѣста, многократно воспѣтаго богодухновенными писателями, многообразно прославленнаго высочайшими міровыми событіями человѣческой исторіи...“.

ІЕРУСАЛИМЪ.

(Изъ дневника паломника во Св. Землю).

(Храмъ Воскресенія: Гробъ Господень и Голгова).

(1—10. іюля). Живя въ Іерусалимѣ въ теченіе почти двухъ недѣль, мы не разъ горячо благодарили въ душѣ и за себя и за русскаго богомольца вообще всѣхъ тѣхъ лицъ и тѣхъ Учрежденій, которыя посвятили себя такой высокой и благородной задачѣ, какъ всестороннее содѣйствіе и удовлетвореніе святыхъ религиозныхъ потребностей русскаго человѣка, идущаго за цѣлыя тысячи верстъ на поклоненіе Святынямъ Палестины.

Въ самомъ дѣлѣ, къ моменту прибытія въ Іерусалимъ паломниковъ, все нужное для приѣма новыхъ русскихъ гостей уже сдѣлано на русскихъ подворьяхъ. Вступая въ ворота русскихъ зданій, нашъ паломникъ вправѣ сказать, что онъ у себя дома: онъ вступилъ на землю, принадлежащую его отечеству—Россіи. Тутъ нашъ богомольецъ встрѣчаетъ и русскихъ пастырей и наставниковъ и русскихъ защитниковъ его,—странника вдали отъ родины. Тутъ онъ слышитъ кругомъ родную рѣчь и молитву на родномъ языкѣ; тутъ ему за самую минимальную плату предоставляется и кровъ, и русская пища, и скорая помощь на случай всяческихъ невзгодъ и тѣлесныхъ и душевныхъ. Теперь русскія постройки въ Іерусалимѣ представляютъ собою уже цѣлую колонію, расположившуюся внѣ сѣверо-западнаго угла Іерусалимскихъ стѣнъ, состоящую изъ нѣсколькихъ изящныхъ, каменныхъ, обширныхъ корпусовъ, съ

находящимся въ центрѣ участка просторнымъ и красивымъ Соборомъ во имя св. Живоносной Троицы. Въ удобствахъ и уютности русскихъ подворій намъ пришлось убѣдиться самолично. Мы, напр., во время пребыванія въ Иерусалимѣ пользовались услугами „Сергіевскаго“ подворья, названнаго такъ въ честь бывшаго Августѣйшаго Предсѣдателя Общества Великаго Князя Сергѣя Александровича. По внѣшности это большое, красивое, двухъ-этажное каменное зданіе съ угловой, стройной, трехъ-ярусный съ зубцами и окнами наружной башней и съ двумя задними башнями, выходящими въ цвѣтникъ. Кроме общихъ палатъ, въ этомъ подворьѣ имѣются отдѣльныя комнаты—номера, рассчитанные человѣка на три или на четыре. Всѣ комнаты очень просторныя, высокія, свѣтлыя и безукоризненно чистыя. Около стѣнъ стоятъ три или четыре кровати съ чистымъ постельнымъ бѣльемъ и покрытыя бѣлыми одѣялами. На стѣнѣ же, надъ каждой кроватью, имѣются небольшія полочки—этажерки, столъ и четыре стула и небольшой умывальничекъ. Однимъ словомъ все необходимое. Это мы говоримъ о номерахъ 3-го класса, номера же 1-го и 2-го классовъ обставлены очень комфортно. При этомъ же подворьѣ находятся для паломниковъ 1 и 2 разряда общія, роскошно убранныя столовыя, гостиная и библіотека. Во дворѣ подворья, кроме разныхъ служебныхъ построекъ, имѣется прекрасная русская баня. Последнюю подробность надворныхъ построекъ Сергіевскаго подворья по достоинству можетъ оцѣнить лишь тотъ, кто на себѣ испыталъ всѣ прелести длиннаго и утомительнаго пути въ очень грязныхъ третье-классныхъ помѣщеніяхъ морского парохода, а также и тотъ, кто знаетъ какъ дорога бываетъ въ Иерусалимѣ, да и вообще во всей Палестинѣ, вода по прекращеніи періода дождей.

Впервые уснувши за четыре дня здоровымъ и крѣпкимъ сномъ, мы въ 9 часовъ утра (1 іюля) грязными и узкими улицами поспѣшно шли къ храму Воскресенія, въ стѣнахъ котораго находятся главнѣйшія святыни — Голгофа и Гробъ

Господень и *через 1/4 часа стояли уже предъ храмомъ*, на небольшой площадкѣ, вымощенной мраморными разбитыми плитами и поднимающейся отъ подножія храма нѣсколькими ступенями. Наружный видъ храма Воскресенія не производитъ на русскаго паломника, привыкшаго къ благолѣпію отечественныхъ храмовъ, того впечатлѣнія, которое приличествовало бы столь великой святынѣ. Окруженный вплотную множествомъ прилѣпившихся къ нему со всѣхъ сторонъ христіанскихъ и мусульманскихъ зданій и оригинальный по архитектурѣ Храмъ Воскресенія выглядитъ скорѣе громаднымъ замкомъ, чѣмъ христіанскою церковью, если бы ни два темныхъ съ крестами купола, возвышающіеся одинъ надъ Гробомъ Господнимъ (большій) и другой (меньшій) надъ Голговою. Самый фасадъ храма, выходящій на югъ, весь въ каменныхъ заплатахъ, что сообщаетъ внѣшности храма какой то угрюмый и печальный видъ. Во внутренность храма ведутъ такъ называемыя Св. Врата, которыя представляютъ изъ себя огромную арку, подъ мраморнымъ, остроконечно выведеннымъ сводомъ. Въ прежнее время входныхъ вратъ было двое, но изъ нихъ правая издавна заложена каменною стѣною.

Но вотъ открылась одна половина массивныхъ двустворчатыхъ бронзовыхъ дверей, и мы вошли во внутрь подъ священные храмовые своды. Прямо предъ собою мы увидѣли покоящуюся на землѣ, подъ золотымъ балдахиномъ и среди сіяющихъ многочисленныхъ лампадъ и огромныхъ подсвѣчниковъ „*Камень муропомазанія*“. Онъ представляетъ собою четырехугольную плиту изъ красноватаго мрамора, которою покрыто священное мѣсто помазанія муромъ и облаченія въ пелены Пречистаго Тѣла Христова снявшими Его со креста Іосифомъ Аримаѳейскимъ и Никодимомъ. Влѣво отъ камня муропомазанія, въ нѣсколькихъ шагахъ, круглый мраморъ, прикрытый рѣшетчатымъ колпакомъ, указываетъ мѣсто стоянія, при снятіи съ креста, Скорбящей Богоматери, въ сообществѣ илачущихъ Маріи Магдалины, нѣкоторыхъ женъ Галилей-

скихъ и возлюбленнаго ученика Христова Иоанна. Приклонивъ колѣна и облобызавъ указанную, первую по мѣстоположенію, святыню Храма, мы повернули налѣво, и чрезъ нѣсколько шаговъ вступили въ высокую и обширную ротонду Храма, посреди которой стоитъ мраморная *кузуклія* или часовня, возвышающаяся надъ священной погребальной пещерой Христа Спасителя. Вся лицевая сторона часовни ярко освѣщена тѣсно висящими въ нѣсколько ярусовъ золотыми и серебряными лампадами и огромными подсвѣчниками, съ горящими въ нихъ сажеными свѣчами. Часовня Гроба Господня заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: первое изъ нихъ—это, такъ называемый, придѣлъ Ангела, второе—погребальное ложе Христа Спасителя. Надъ низкимъ и узкимъ ходомъ *въ придѣлъ Ангела* вѣлана мраморная плита съ мозаичной иконой Воскресенія Христова. Придѣлъ Ангела представляетъ изъ себя небольшое четырехугольное пространство, выложенное бѣлымъ мраморомъ. На правой и лѣвой стѣнахъ отъ входа продѣланы наружу, т. е. въ ротонду храма, два небольшихъ оконца, чрезъ которыя Патріархъ въ пасхальную заутреню раздастъ чрезъ епископовъ пучки свѣчъ съ священнымъ огнемъ. Посрединѣ въ высокой, подобной столбику и богато украшенной, мраморной вазѣ, покрытой позолоченной доскою, сохраняется обломокъ камня, закрывавшаго нѣкогда входъ въ Гробъ Господень и отваленнаго Ангеломъ. При совершеніи литургіи этотъ столбикъ со священнымъ камнемъ служитъ престоломъ, жертвенникомъ же для Св. Даровъ служитъ самый Гробъ Господень. Изъ придѣла Ангела въ пещеру Св. Гроба ведетъ очень низкій и узкій проходъ. *Тѣсна усыпальница Господня*: даже квадратная сажень не умѣщается въ святомъ вертепѣ. Длинной онъ равняется пространству, необходимому только для помѣщенія распростертаго человѣческаго тѣла (всего 2 арш. 14 верш.), а въ ширину и того менѣе (2 арш. 11 верш.). Внутренность его наполовину занята высѣченнымъ въ скалѣ справа отъ входа каменнымъ въ нишѣ ложемъ, на которомъ, со-

Гласно погребальнымъ обычаемъ евреевъ, и почивало Пречистое Тѣло Спасителя. Какъ самое ложе, такъ и стѣны святой пещеры обложены мраморомъ, чтобы сохранить святыню отъ паломниковъ, уносившихъ съ собою частицы камня. Теперь только кой гдѣ проглядываетъ среди мрамора черный сырецъ природной пещерной скалы. Зная обычай древнихъ высѣкать погребальныя ложи—пещеры въ скалахъ горъ, можно, пожалуй, на первый разъ съ недоумѣніемъ спросить: Какимъ же это образомъ погребальная пещера Христа Спасителя оказалась посреди храма и имѣетъ видъ часовни? Да, Гробъ Господень сначала былъ ни чѣмъ инымъ, какъ пещерою съ погребальнымъ ложемъ, высѣченною въ скалахъ Голгоетской горы. Но во времена Константина Великаго, срывшаго храмъ Венеры и снявшаго насыпь съ мѣста смерти и погребенія Богочеловѣка, сдѣланную Адрианомъ, погребальная пещера Господа была цѣликомъ отдѣлена отъ общей скалы, а ея внѣшнему виду придали форму часовни, надъ которой была воздвигнута базилика. Вотъ почему съ тѣхъ поръ погребальная внутренняя камера стоитъ одна среди снесенной кругомъ скалы. По стѣнамъ пещеры и надъ ложемъ Господнимъ висятъ иконы съ изображеніемъ преимущественно Воскресенія Христова и масса горящихъ лампадъ и свѣчъ.

При входѣ въ ротонду храма, мы увидѣли уже много богомольцевъ, готовившихся приложиться ко Гробу Господню.

Смѣшавшись съ толпою своихъ и чужихъ богомольцевъ, мы стали шагъ за шагомъ вмѣстѣ подвигаться постепенно ко входу въ пещеру Гроба Господня.

Трудно, даже невозможно, передать словами тѣ чувства, которыя овладѣваютъ паломниками при видѣ погребальнаго ложа Христа Спасителя; которыми преисполнена бываетъ душа въ эти святыя минуты на этомъ священнѣйшемъ и всесвятѣйшемъ мѣстѣ.

Мы позволимъ себѣ охарактеризовать словами паломника Ювачева настроеніе благоговѣйнаго поклонника Гроба Господня,

потому что такое же настроеніе въ большей или меньшей степени было и у насъ. „Проникнувъ въ священную пещеру Гроба Господня, я говоритъ Ювачевъ,—весь охваченный сознаниемъ страшной святости, благоговѣнно прильнулъ къ священному камню и прослезился. Тутъ мнѣ хотѣлось сразу сказать всѣ свои молитвы, всѣ тайныя просьбы души, хотѣлось помянуть отца и мать, всѣхъ родныхъ и друзей, здѣсь хотѣлось прикосновеніемъ къ святинѣ освятить свое лицо, руки, всего себя. Какъ будто бы стоишь предъ Самимъ Христомъ, и Онъ говоритъ тебѣ: „проси въ эту минуту все, что хочешь,—Я исполню.“ Но минуты у Гроба Господня коротки: люди ждутъ у входа, чтобы замѣнить тебя. Надо выйти“. Высоко-благодатный порывъ души, вылившійся въ этихъ простыхъ и безыскусственныхъ и вмѣстѣ задушено-теплыхъ и глубоко-религіозныхъ словахъ, очень хорошо понятенъ поклонникамъ Гроба Господня. Вмѣстѣ съ повышенными и какъ бы расширенными чувствами, усиленно и быстро работаетъ также и мысль: въ сознаниіи одно за другимъ проходятъ библейскія и священнойсторическія воспоминанія о тѣхъ событіяхъ, которыя здѣсь нѣкогда совершались „Мысль, какъ говоритъ одинъ изъ поклонниковъ Святого Гроба, представляетъ — ночь и то свѣтоносное утро, когда пораженная свѣтомъ кустодія лежитъ на землѣ. Гробъ открытъ. Съ трепетомъ спѣшать ко Гробу жены мруносицы. Ангель, сидящій на камнѣ, говоритъ имъ: „Его нѣтъ здѣть, Онъ воскресъ. Не бойтесь, подойдите и посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь.“ — А далѣе молніей въ сознаниіи проносятся вѣка и эпохи уже христіанской исторіи; историческія грозы и бури, пронесившіяся надъ святымъ мѣстомъ. Представляются милліоны людей, притекавшихъ сюда со всѣхъ концовъ свѣта, съ трепетомъ и благоговѣніемъ склонявшихъ свои головы предъ этою святѣйшею всѣхъ святынью, съ вѣрою и любовью лобызавшихъ ее своими устами и обильно орошавшихъ ее горячими потоками своихъ слезъ. А наряду съ этимъ въ воображеніи встаютъ грозныя, кровавыя событія,

совершающіяся во имя этого величайшаго на землѣ мѣста, поднимавшаго на защиту себя цѣлыя страны и народы, воздвигавшаго ихъ итти за моря и горы, за десятки тысячъ верстъ отъ родины и дававшаго имъ силу умирать въ виду города съ молитвами на устахъ и счастьемъ въ потухающемъ взорѣ. И думалось здѣсь въ эту минуту: пройдутъ еще вѣка, а съ ними пройдутъ чрезъ это мѣсто и еще миллионы благоговѣйныхъ поклонниковъ, будутъ вотъ такъ же, какъ и мы сейчасъ, стоять вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, будутъ переживать здѣсь тѣ же самыя мысли и чувства, тѣ же настроенія и волненія, какія съ неизвѣстной силой охватываютъ насъ теперь, въ эту великую минуту нашей жизни“.

Съ высокоотраднымъ сознаниемъ достиженія главной цѣли паломничества, по выходѣ изъ пещеры Гроба Господня, мы приступили къ осмотру прочихъ святынь, находящихся въ храмѣ Воскресенія. Мы осмотрѣли послѣдовательно: бѣдный придѣлъ коптовъ, примыкающій къ западной наружной сторонѣ кувукліи; часовню сирійцевъ и рядомъ съ нею двѣ древнія въ натуральномъ видѣ высѣченныя въ скалѣ гробницы Іосифа Аримаѣйскаго и Никодима; затѣмъ обширную, свѣтлую и богатую гречскую соборную церковь Воскресенія, расположенную прямо противъ входа въ часовню Гроба Господня и принадлежащую исключительно православнымъ.

Вокругъ этой церкви кольцомъ тянется полусвѣтлый, а мѣстами и совсѣмъ темный корридоръ съ небольшими открытыми, т. е. не имѣющими иконостасовъ, придѣлами въ память лицъ и событій, связанныхъ съ событіями Страстей Христовыхъ.

Затѣмъ по каменной лѣстницѣ въ 29 ступеней спустились мы въ подземный придѣлъ святой и равноапостольной царицы Елены, изъ котораго, спустившись на 13 ступеней еще ниже, мы проникли въ ту самую пещеру, гдѣ былъ обрѣтенъ Крестъ Господень. Отсюда, поднявшись вверхъ и выйдя къ камню муропомазанія, мы поднялись по 18 ступенямъ на Голгоѳу.

Это другая главнѣйшая святыня, заключенная въ стѣнахъ храма Гроба и Воскресенія Господня. Круглое, обдѣланное серебромъ, отверстіе въ камнѣ подъ устроеннымъ здѣсь православнымъ греческимъ престоломъ обозначаетъ мѣсто, гдѣ былъ водруженъ Крестъ Господень. Направо отъ мѣста водруженія Креста отодвигающаяся длинная узкая серебряная дощечка покрываетъ продолговатую рѣшетку, чрезъ которую видна подлинная Голговская скала, разсѣвшаяся въ моментъ смерти Иисуса Христа. Единственными предметами, не столько украшающими, сколько напоминающими о „совершившемся“ тутъ являются стоящее за престоломъ большое (во весь ростъ) Распятіе и богатый кіотъ съ иконою, изображающею Христа, влекомаго на смерть. Но не эта скромная обстановка повергаетъ въ трепеть душу паломника, а сознаніе, что предъ нимъ Голговскія ступени. — А въ силу этого „здѣсь первое движеніе на колѣни; здѣсь первая молитва— „помяни!“

„Передъ Крестомъ, передъ Распятымъ зримымъ, дрожа, творю я знаменье креста,

„И, скованы стыдомъ неодолимымъ, молчать мои бессильныя уста“.

„...Волненью нѣтъ предѣла... Какъ въ пламени стоишь, гдѣ распять Богъ!“

„И скорбь души, и содроганье тѣла, и тайный страхъ, и тяжкій, тяжкій вздохъ“ ...

„Гдѣ взять мнѣ слезъ — излить благодаренье, сокрытое въ душевной глубинѣ,

„За всю любовь, и милость, и спасенье, съ Креста Его дарованныя мнѣ!“

„Спаситель мой! дай сердцу помолиться... благослови желание мое!“

„Будь милостивъ, дай съ плачемъ мнѣ склониться на крестное подножіе Твое“ ...

Много вообще переживаетъ паломникъ въ стѣнахъ храма Гроба Господня. Одно чувство быстро смѣняется другимъ,

мысль и воображеніе, уносясь въ библейскія и историческія времена, работаютъ усиленно. Можно утвердительно сказать, что нѣтъ ничего такого въ мірѣ для христіанина, что могло бы сравняться съ этимъ святѣйшимъ мѣстомъ по многочисленности, разнообразію и силѣ душевныхъ переживаній.

Самый храмъ производитъ впечатлѣніе чего то необыкновенно грандіознаго. Это цѣлая лавра церквей, монастырей, часовень, алтарей и абсидъ, соединенныхъ только общей стѣной и подъ общей кровлей.

Но грустно становится на душѣ, когда обратишь вниманіе на внутренній видъ храма. Зданія св. храма содержатся крайне грязно и неопрятно: всюду пыль, грязь, соръ; штукатурка во многихъ мѣстахъ отвалилась и обнаженные камни мрачно и какъ бы съ укоризною глядятъ на васъ. Позолота на храмовыхъ украшеніяхъ потускнѣла и во многихъ мѣстахъ треснула; паутина и пыль густымъ слоемъ лежатъ, на святыхъ иконахъ, закрывая собою лики изображенныхъ на нихъ святыхъ. Печальное и въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе производитъ также и тотъ сильный антагонизмъ между представителями различныхъ христіанскихъ исповѣданій, который сильно даетъ себя чувствовать здѣсь. Самая главная святыня—Гробъ Господень является нейтральною и время совершенія богослуженія при Немъ строго по часамъ распредѣлено между національностями различныхъ христіанскихъ исповѣданій. И прискорбно было слышать разговоры о томъ, какъ между послѣдними происходятъ частыя недоразумѣнія о предѣлахъ владѣній частями всего остального храма, оканчивающіяся нерѣдко кровопролитными столкновеніями и братоубійственной рѣзней въ самомъ храмѣ, и мѣсто примиренія неба и земли искупительною смертью Богочеловѣка такимъ образомъ становится ареною братоубійственной вражды и обагрывается кровью христіанъ, Его послѣдователей. Съ грустью приходится констатировать, что эта взаимная вражда христіанскихъ вѣроисповѣданій дѣлаетъ необходимой въ храмѣ

и магометанскую стражу, а вмѣстѣ и лишаетъ возможность привести большой храмъ въ подобающій ему благолѣпный видъ. Д. Дмитриевъ.

☉ Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, ☉

== Миссіонерское дѣло. ==

юже стяжалъ еси честною Твоею кровію.

Наша Пасха и чувашскій праздникъ мун-кун въ селѣ Три-Избы-Шемурша.

(Интересныя свѣдѣнія по вышеставленному заглавію заимствуются изъ отчета окружнаго миссіонера-проповѣдника священ. Стефана Павлова за 1913 г.)

Въ понятіи чувашъ наша Пасха и ихъ праздникъ мун-кун означаетъ одинъ и тотъ же праздникъ. Домашнее празднованіе Пасхи православныхъ и празднованіе язычниками мун-кун-а бывало одинаково. Но язычники искони праздновали его въ Великую среду. Нынѣ они перенесли день своего праздника съ среды на Воскресенье, — на день православной Пасхи. Сами язычники объясняютъ это тѣмъ соображеніемъ, что-де, начиная праздновать ранѣе православныхъ и вънуждаясь продолжать съ православными, они слишкомъ затягиваютъ празднованіе и тѣмъ причиняютъ себѣ излишніе матеріальные убытки въ 1½ недѣли. На самомъ дѣлѣ, не это служитъ причиной прекращенія мун-кун-а, а вліяніе православнаго Свѣтлаго Праздника Пасхи. Бьющая въ глаза прежняя пышность мун-кун-а стала уменьшаться со времени построения храма. Въ прошломъ 1913 году въ селѣ Три-Избы-Шемурша произошло явленіе, кажущееся неважнымъ на первый взглядъ, но имѣющее немалое значеніе въ духовной жизни язычниковъ. Имъ какъ-будто стало и денегъ жалъ на излишнее празднованіе своего праздника и время они стали экономить и т. п. А раньше такихъ разсужденій не было и въ поминѣ. Напротивъ, мун-кун волновалъ не только самихъ

язычниковъ, но и всѣхъ православныхъ села, а также православныхъ и окружающихъ селеній. Всѣ стремились на этотъ праздникъ и братались за пивомъ и яствами. Но теперь пришло такое время, что православные не только перестали сами участвовать въ немъ, но стали даже препятствовать язычникамъ. Имъ стало скучно однимъ самимъ праздновать свой праздникъ: ихъ остается сравнительно мало и они не могутъ по своему тону настраивать православныхъ, какъ прежде. Теперь даетъ всему тонъ и праздничное настроеніе святой храмъ. Всѣ праздники зависятъ отъ церкви, церковь и руководитъ праздниками. Видъ святого храма, недѣльный звонъ, богослуженія и волненія православныхъ по поводу своихъ праздниковъ,—вотъ ощутительныя и замѣтныя для язычниковъ явленія церковной жизни. Все это даетъ перевѣсъ въ сторону нашей церковности. Язычникамъ стало неудобно шумѣть и праздновать свой праздникъ въ наши „великіе и страстные дни“, когда св. Церковь воспоминаетъ великія событія міровой жизни человѣчества и когда православные поэтому имѣютъ глубоко сосредоточенное настроеніе. И вотъ въ прошломъ году не было чувашскаго языческаго мун-кун-а. Безшумно и тихо прекратился общенародный языческій праздникъ, одушевлявшій чувашъ—язычниковъ съ тѣхъ поръ, какъ они существуютъ въ мірѣ. Такимъ образомъ, и въ нашемъ селѣ духъ Православія получилъ преобладаніе надъ язычествомъ. „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!“

Окружный проповѣдникъ,
священникъ *Стефанъ Павловъ*.

ЖИЗНЬ и КНИГИ.

Духовное возстаніе.

Изъ исторіи открытія и жизнедѣятельности одного общества трезвости.

Я былъ въ заблужденіи.—Пьяницей я никогда не былъ, потому что врожденной склонности къ алкоголю у меня не было. Выпивалъ же, правда, я при случаѣ, какъ это водится, рѣдко по увлеченію окружающихъ меня друзей и знакомыхъ; чаще всего для веселья. Началъ выпивать я съ 18 лѣтняго возраста, когда поступилъ пѣвчимъ въ одинъ изъ лучшихъ пѣвческихъ хоровъ г. С., въ годы ученія моего въ духовной семинаріи. Разъѣзжая съ концертами на Св. Пасху и на Рождество Христово, я видѣлъ, что пьютъ знатные и незнатные, начальники и подчиненные, ученые и неученые, я думалъ, что пьянство—добродѣтель и съ своими сотоварищами вполне раздѣлялъ мнѣніе, что непьющіе—глупые люди. А мнѣ не хотѣлось быть глупымъ, ибо я разучалъ тогда исторію философіи, читалъ философовъ: Платона, Декарта, Канта, Сенеку, Гегеля и другихъ и насъ за то называли философами по тогдашнему. Я всегда былъ въ восторгѣ, когда видѣлъ веселыми отъ вина своихъ товарищей-философовъ, увлекающихся философскими идеями; но зато не терпѣлъ пьяныхъ-добашировъ; торжествовалъ, когда они спорили, доказывали, опровергали и опять доказывали, и въ золотомъ краснорѣчьи, какъ на крыльяхъ, возлѣтали до облаковъ и на Парнасы, и оттуда видѣли своимъ умственнымъ кругозоромъ всю вселенную. Очень мнѣ нравилось тогда ихъ ораторскія выходы, якобы дѣйствительно ученыхъ философовъ и богослововъ, и я увлекался до забвенія о себѣ...

Будучи уже священникомъ, я не бросалъ прежнихъ философскихъ мудрованій, всегда старался заводить бесѣды съ друзьями своими на излюбленныя темы изъ реализма, идеализма, позитивизма, мистицизма и др.; идеей же священства своего я вовсе не интересовался и смотрѣлъ на него, какъ на источникъ земныхъ благъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Такъ продолжалось до 43 лѣтняго возраста. Значить цѣлыхъ 25 лѣтъ я былъ въ заблужденіи. А четверть вѣка быть рабомъ алкоголя, четверть вѣка любоваться собственнымъ самодѣльнымъ, такъ сказать, упомомѣшательствомъ и 20 лѣтъ,—почти тоже четверть вѣка, быть соблазномъ для Христова стада, въ которое я былъ по-

ставленъ Духомъ Святымъ пасти оное, чтобы спасти—это ли не ужасно? Это ли не преступно? Какъ это земля еще не разверзла свои уста и не поглотила меня! О Господи, какъ Ты долготерпѣливъ и многомилостивъ. Потерпи еще немного.

Въ 1890 году побывавъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, помолясь Преподобному Сергію Радонежскому Чудотворцу, давъ у святыхъ мощей его обѣщаніе исправиться, я проѣхалъ въ г. Кронштадтъ къ великому всероссійскому молитвеннику о. Іоанну Сергіеву, прося Его святыхъ молитвъ за себя для укрѣпленія въ духовной жизни. По ихъ св. молитвамъ Богъ не допустилъ меня окончательно погибнуть. Ко мнѣ вернулось сознаніе, что я иду не той дорогой въ жизненномъ пути, что есть иная жизнь, въ которой нѣтъ мѣста низменнымъ страстямъ и грубымъ порокамъ, что священникъ, такъ сказать по самой природѣ своей, долженъ быть чистъ отъ всякой скверны и святъ по жизни своей. При одномъ вспоминаніи о прошломъ густая краска стада заливала все мнѣ лицо, и у меня мучительно щемило сердце, я плакалъ. Наконецъ рѣшился, призвавъ Божіе благословеніе на себя, безповоротно сойти съ прежней ухабистой дороги и вступить на гладкую-трезвую. Теперь прошло болѣе 20 лѣтъ, какъ я полный трезвенникъ и чувствую себя въ совершенно иной атмосферѣ. И благодарю Бога моего, тако мнѣ благоволившаго.

Но мнѣ мало того, что я отрезвился самъ, теперь мнѣ видно стало, что далеко недостаточно для священника самому быть трезвенникомъ. Вылѣзъ изъ омута самъ, вытаскивай теперь другихъ, твердить мнѣ трезвость. Если отецъ съ своими дѣтьми пойдетъ въ лѣсъ за грибами и, уходя въ глубь дальше, собьется съ главной дороги и заплугается, или погрязнетъ въ трясинѣ, или завязнетъ въ болотѣ, не зная въ какой сторонѣ его жилье, то, послѣ долгихъ усилій и поисковъ, нашедши дорогу и выбравшись на нее, ужели спокойно одинъ пойдетъ домой. Нѣтъ, онъ изо всѣхъ силъ будетъ кричать и созывать къ себѣ дѣтей и, если понадобится, то и помогать имъ вылезти изъ трясины. Такъ долженъ созывать духовныхъ чадъ своихъ и всякій іерей Божій, когда видитъ, что они тонутъ въ омутѣ пьянства. Не застрахованъ, конечно, отъ такого пьянаго омута и вѣранный мнѣ приходъ, гдѣ страшный врагъ пьянство могуче царить и проявляетъ себя во всѣхъ сторонахъ жизни прихожанъ—и религіозной, и бытовой, и экономической. Родился ли человѣкъ, женился ли, померлъ ли, судится ли, мирится ли

сходится ли, дѣлится ли, купилъ ли что, продалъ ли что, получилъ ли убытокъ или прибыль—все это обильно поливается виномъ, и самъ человѣкъ плаваетъ въ винѣ. И такъ вино, вино и вино. Цѣлое море вина, а съ нимъ рядомъ цѣлыя рѣки горькихъ слезъ женъ и дѣтей. Такимъ образомъ всю жизнь свою купается и плаваегъ въ этомъ пьяномъ морѣ нашъ деревенскій мужикъ, а рядомъ съ нимъ вѣчно сидитъ въ горѣ, какъ въ каблѣ, его жена и дѣти, обливаясь слезами.—Возможно ли пастырю Церкви быть равнодушнымъ и постороннимъ зрителемъ при видѣ того, какъ страшный и безпощадный врагъ—зеленый змій губить православный народъ, толкая его въ неизбѣжный другой омутъ—хулиганство и безбожіе? И сердце, и умъ нашъ стали настойчиво твердить, что такъ дольше жить нельзя; что нужно выбираться на другую дорогу. Тутъ я вспомнилъ о раскольникахъ, за которыми мы иногда гоняемся шибко и часто бесплодно, которые давнымъ давно убѣгли со двора церковнаго и доселѣ яростно бросаютъ въ него камнями всевозможныхъ хуленій и упрековъ, а своихъ овецъ, израненныхъ и душевно и тѣлесно разбойникомъ-зеленымъ змиемъ, мы оставляемъ на произволь судьбы и часто на вѣчную погибель. А вѣдь несчастные алкоголики, какъ—никакъ, а все еще находятся во дворѣ Святой Православной Церкви, и, желая подняться къ высотѣ, вызываютъ къ намъ пастырямъ о помощи. Совѣсть сильно меня укоряла за прежнюю жизнь: что такъ долго я спалъ, что такъ много загублено счастливыхъ дней напрасно. Началась сильная внутренняя борьба. Двухмѣсячная проповѣдь съ церковнаго амвона, частная бесѣда по домамъ о гибельности пьянства и о пользѣ трезвости съ прихожанами сдѣлали то, что утромъ 1-го ноября 1912 года являются ко мнѣ въ домъ четверо самыхъ горчайшихъ, что называется, отборныхъ пьяницъ изъ прихожанъ съ трясущимися, какъ отъ лихорадки, руками, съ синими отеками глазами, красными разбухшими носами, съ зелеными морщинистыми лицами; принявши благословеніе, они, какъ по командѣ, пали всѣ на колѣна и начали въ одинъ голосъ умаливать: „батюшка, Христа ради, спаси насъ. Мы гибнемъ отъ вина, гибнемъ до конца, въ гробъ всѣ уляжемся скоро сами и жены наши съ нами, пожалѣй насъ и ихъ. Онѣ несчастныя страдаютъ хуже насъ, день и ночь изъ-за насъ. Мы слышали, что ты хочешь открыть общество трезвости. Мы вотъ пришли къ тебѣ, прими насъ въ это общество, а если не примешь, все равно мы уйдемъ и пропадемъ; веди насъ по правдѣ куда хо-

чешь и мы пойдемъ за тобой“.—Слезы брызнули у меня на глазахъ отъ радости и отъ жалости къ нимъ, въ груди възглаголось сердце за малыхъ сихъ, что Господь не хочетъ погибели ихъ. Да, я заблуждался... Эхъ, думалъ я втайнѣ, какой мнѣ кладъ Богъ даетъ. Вѣдь это будутъ такіе твердые, устойчивые, незыблимые столбы, на которыхъ смѣло можно будетъ строить великое зданіе трезвости, если они лягутъ въ основу этого зданія. Эти люди, думалъ я, воистину стоятъ того, чтобы поухаживать за ними, хотя-бы съ затратой большихъ трудовъ и многихъ динаріевъ. Но не видѣть только надо, а чувствовать, и чувствовать всѣмъ своимъ существомъ, что означаетъ эта картина: меня, пастыря, ищутъ овцы. Стучатся ко мнѣ, стоятъ на колѣнахъ просятъ у меня помощи, а я буду лишь отмалчиваться въ томъ удованіи—что-де „моя хата съ краю“...—Ужели допущу погаснуть послѣднему огню, еле теплящемуся въ ихъ разбитой груди. Ужели не видно, что Самъ Господь послалъ ихъ ко мнѣ, да спасутся и спасень буду. Подошедши къ нимъ ближе, я властно и торжествующе сказалъ: встаньте теперь на ноги. Жизнь ваша не совѣмъ еще погасла. Богъ неизмѣримо благъ и ждетъ вашего покаянія. Молитесь Ему и просите Его Всеблагого, чтобы Онъ помогъ вамъ стряхнуть прежнюю съ себя пьяную жизнь, какъ рваную одежду, облечься и встать на новую трезвую дорогу, ибо только этой дорогой вы можете благополучно и безмятежно окончить свое земное странствованіе и достигнуть отечества небеснаго. Скоро и у насъ будетъ открыто общество трезвости, о чемъ мною будетъ объявлено въ храмѣ послѣ литургіи на Михайловъ день (8 ноября). Вы вступите тогда въ новое наше общество на срокъ не менѣе года и такимъ образомъ будете первыми основными камнями вновь заложеннаго зданія трезвости. Дай Богъ вамъ твердую рѣшимость и силу осуществить свое благое намѣреніе. Дай Богъ, чтобы вашъ починъ былъ добрымъ примѣромъ для другихъ подобныхъ вамъ. Жизнь ваша впереди. Не бойтесь. Готовьтесь къ трезвости. Съ сіяющими лицами вышли отъ меня эти будущіе герои трезвости. Но какъ ледъ и пламя, какъ огонь и вода, такъ и добро и зло, радость и печаль не могутъ ужиться рядомъ. Каждое стремится уничтожить другое. Такъ и здѣсь. Радость моя недолго ласкала меня. Налетѣли мрачныя думы, окутали съ ногъ до головы меня и, какъ коршуны стали терзать мнѣ грудь, одна дума вопрошаетъ: какимъ чиномъ буду принимать трезвенниковъ и есть ли у меня какія на это молитвы и прошенія. Другая—твердитъ:

а гдѣ у меня листы, книжки и брошюры для трезвенниковъ. Третья— гдѣ обѣтныя грамоты, иконки и тому подобное. Какія, слышалъ я, раздаются въ другихъ обществахъ трезвости. Все это и подобное сильно меня смущало. А главнымъ образомъ смущала та дума, что вступить въ общество трезвости чрезъ извѣстный церковно-обрядовой законъ и записаться въ члены его далеко еще недостаточно, чтобы сдѣлать человѣка совершенно трезвымъ. Здѣсь необходима постоянная, живая, внутренняя работа всѣхъ записавшихся во главѣ съ ихъ руководителемъ. Въдь въ больничный списокъ можно записать сколько угодно больныхъ, но отъ этого они здоровыми не будутъ; ихъ надо лѣчить, окружить соотвѣтствующей обстановкой, запастись какъ можно болѣе лекарствами, честной прислугой и под.. Тоже самое нужно и въ новооткрываемомъ обществѣ трезвости. Оно для своихъ членовъ должно быть духовной лечебницей. Здѣсь вновь поступившаго пьяницу такъ должно перевоспитать, такъ его отрезвить и укрѣпить духовно, чтобы онъ затѣмъ всю жизнь свою и при записи и безъ записи не могъ бы прикоснуться къ водкѣ. Силень ли я это сдѣлать. Хватить ли у меня силъ и умѣнья. Этого достигнуть не такъ легко, какъ кажется. Это требуетъ долгой, разумной и усердной работы. Вотъ что смущало меня до упадка силъ и духа. Но благодареніе Господу, такія думы недолго тяготили меня. Судьба скоро свела мнѣ знакомство съ честнымъ о. А.—учредителемъ Б. общества трезвости. Онъ первый своимъ горячимъ сочувствіемъ вдохнулъ въ меня энергію смѣло идти къ намѣченной цѣли, не стѣснясь ни средствами, ни положеніемъ дѣла. „У Бога, какъ въ сокровищницѣ, неистощимый источникъ всѣхъ благъ. Ободренный и воодушевленный вниманіемъ о. А., я, при помощи Божіей, 11 ноября 1912 года и открылъ у себя въ церкви общество трезвости, покровителемъ котораго избранъ Архангелъ Божій Михаилъ и основными камнями въ него легли тѣ четверо пропойцевъ, что на колѣнахъ стояли и просили спасенія отъ гибели въ пьяномъ морѣ, къ нимъ тогда же примкнули многіе другіе и на первый разъ принято 24 человѣка, которые и по сіе время твердо лежатъ въ стѣнахъ новаго трезваго знанія. А въ теченіи всего года поступило 75 человѣкъ обоого пола, изъ нихъ мужского пола 70 и женскаго п. 5. Да, я забуждался.—Всѣ они, вступая въ наше общество трезвости шли сюда по собственному влеченію и глубокому внутреннему сознанию, что только въ Церкви Христовой можно найти себѣ убѣжище отъ бѣшеннаго звѣря—

пьянства, что только подъ Ея Св. Покровомъ, по Ея мощнымъ Св. молитвамъ можно побѣдить непобѣдимаго врага—алкоголь, что сами они и слабы и безсильны въ дѣлѣ собственнаго отрешенія. Сознавая тотъ великій вредъ и ту страшную гибель, какую несетъ пьянство человѣку, они объединились вмѣстѣ съ нами—духовенствомъ въ одно цѣлое, въ одинъ союзъ, называемое обществомъ трезвости, чтобы общими силами легче было имъ отразить этого чудовищнаго супостата. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ объявили себя борцами за трезвость и дали намѣреніе бороться за сохраненіе ея всѣми силами, всѣми способностями, какими кого наградила Богъ. Это общество теперь служить тихою пристанью для благомыслящихъ людей нашей мѣстности и твердымъ якоремъ для погибающихъ въ морѣ пьянства. Да, я заблуждался. А наше приходское общество, идя на встрѣчу благимъ начинаніямъ только что сформировавшейся трезвой рати, первое откликнулось своими пожертвованіями на нужды ея. Явились труженицы-соревновательницы, которыя не жалѣя ни своихъ силъ, ни трудовъ, презирая насмѣшки глупыхъ и издѣвательства грубыхъ людей, собрали отъ разныхъ лицъ въ пользу общества до 30 руб. Собрано лично самимъ учредителемъ для того же общества до 50 руб. Такимъ образомъ въ портфель общества появилась сумма въ 80 руб. Видя это, общество наше пріободрилось. Чувствуя себя не одинокимъ, оно воспрянуло духомъ и рѣшило по совѣту своего учредителя, мѣстнаго священника, пріобрѣсти въ свой приходскій храмъ икону Св. Архистратига Божія Михаила, такъ какъ онъ есть Небесный Покровитель, водительство коего посвятило себя общество. Рѣшеніе это было принято и икона Архангеля Михаила изъ хромофотографіи Фесенко пріобрѣтена за 15 руб. (хотя она еще въ храмѣ не поставлена за неимѣніемъ для нея благоприличнаго кіота). Пріобрѣтена также изъ Москвы посеребренная съ позолотою лампада, стоимостью въ 14 рублей. Затѣмъ куплена въ К—скомъ свѣчномъ складѣ восковая позолоченная свѣча на лампаду за 3 руб., выписана для раздачи трезвенникамъ сотня изображеній Св. Архангела Михаила на 2 руб., выписана сотня листовъ обѣтныхъ грамотъ на 3 руб., сотня листовъ противъ пьянства всего на 6 руб. 50 коп. Также выписано 1000 листовъ противъ-алкогольныхъ листовъ отъ редакціи журнала „Сбѣятель“ за 4 руб. 15 коп. Выписано книгъ изъ С.-Петербургскаго склада р. нрав. просв. въ духѣ прав. Церкви на 25 рублей. Выдано за переплетъ книгъ 5 руб. 15 коп. Всего израсходовано

въ теченіи трезвенническаго года 77 руб. 80 коп. Затѣмъ въ остаткѣ къ новому трезвенническому году 2 руб. 20 коп. Такимъ образомъ ясно, что общество наше хотя и невелико по численности своей, всего только 75 человекъ—это горсть трезвой рати, но оно работаетъ сравнительно успѣшно и не безъ пользы, хотя въ тиши и незамѣтно для сторонняго глаза. Наблюдая за жизнью трезвенниковъ, я убѣдился что жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ во многомъ измѣнилась къ лучшему и потекла совершенно по другому руслу тихому, ровному, спокойному. Спросите ихъ семейныхъ и они со слезами на глазахъ расскажутъ вамъ, что только съ принятіемъ трезвой жизни для нихъ началась теперь новая счастливая жизнь, что они теперь только почували себя свободными отъ тѣхъ рабскихъ страдальческихъ узъ, коими скованы были по рукамъ и ногамъ своими пьяными мужьями, свирѣпыми отцами, разудальными-безшабашными дѣтьми. Чтобы не остаться голословнымъ, мы укажемъ примѣры, заслуживающіе особаго вниманія и подражанія: какъ одинъ трезвенникъ наканунѣ В. двенадцатаго праздника, шелъ по улицѣ домой, какъ пчелка Божія, весь обложенный полнымъ грузомъ всякихъ ястей (провизіи) для своей семьи и еля въ сосудѣ для Бога. Тутъ онъ несъ въ семью и радость и утѣшеніе, и миръ и любовь. Это ли не счастье для его семьи, для его горемыки—жены. Это ли не утѣшеніе для его милыхъ малютокъ-дѣтишекъ... А какъ пріятно видѣть трезвенника, спѣшившаго каждую субботу за 15 верстъ съ фабричной мастерской ко все-нощной въ свой родной приходскій храмъ. Онъ забываетъ тогда свою усталость, недѣльный трудъ за станкомъ, онъ презираетъ зимній холодъ, осенній дождь, чтобы съ первымъ ударомъ благовѣста церковнаго поспѣть въ свой храмъ и здѣсь трепещущей рукой ставить Богу свѣчу въ даръ, истово крестясь и земно кланясь предъ ликомъ Богоматери, или иконою праздника. И чувствуетъ онъ, какъ на душѣ у него самого тогда свѣтло и покойно, въ семьѣ миръ и благодать, въ хозяйствѣ порядокъ и у людей ему привѣтъ. О какъ отрадно принять отъ мозолистой руки трезвенника трудовую его лепту въ даръ Богу съ сердечными отъ него словами: „это вотъ, батюшка, отъ меня жертва Михаилу Архангелу“. Какъ много тутъ душевнаго, сердечнаго и поучительнаго. Много другихъ добрыхъ примѣровъ трезвой жизни нашего общества, которые заставляютъ истинныхъ христіанъ умиляться, а меня—пастыря радоваться за нихъ въ сердцѣ и благодарить Бога. Но при всемъ этомъ, слышно, нѣкото-

рые остаются въ недоумѣніи: почему же при такой очевидной для всѣхъ, полезной и плодотворной дѣятельности общества, все-таки число трезвенниковъ невелико, всего только 75 человѣкъ, почему же мало. Желательно-бы больше. Ну, конечно, желаніе такое—желаніе самое святое, а желать святого всегда можно и должно. Но желаніе недоумѣвающихъ легко и скоро можетъ разсѣяться, даже—совершенно сгладиться, если мы припомнимъ и исполнимъ одно важное обстоятельство изъ жизни Господа Иисуса Христа: когда Онъ жилъ на землѣ, Его окружали тысячи людей, несмѣтныя толпы слушателей часто такъ тѣснили Его, что Онъ вынужденъ былъ или всходить на вершину горы, или садиться въ лодку и поучать народъ съ воды. Тѣмъ не менѣе, Иисусъ Христосъ не считалъ ихъ своими учениками, не полагался на нихъ (Іоан. 2 гл. 24 ст.) Онъ зналъ, что они еще не пригодны для устроенія Царства Божія, что они еще не подготовлены для этого надлежащимъ образомъ. Христосъ Спаситель взиралъ не на число учениковъ, а на ихъ качества, достоинства. Онъ изъ сотенъ тысячъ народа выбралъ себѣ только двѣнадцать апостоловъ, но это были воистину апостолы, они вошли въ жизнь закваской Христовой. Этотъ примѣръ Пастыре-Начальника нашего Господа Иисуса Христа—вѣчный намъ урокъ. Урокъ искать не внѣшней, показной стороны дѣла, а внутренней силы, духовной крѣпости и стойкости. Внѣшняя показная сторона тѣшитъ человѣческое самолюбіе, а ростъ Божьяго дѣла требуетъ долгой и упорной, не видной людьми работы; за то только эта работа и прочна и полезна. Есть грибы, называемые поганки. Они вырастаютъ скоро, въ нѣсколько часовъ; они за одну ночь успѣютъ покрыть всю поляну; но за то все это опять скоро и сгниваетъ. Могучій же дубъ растетъ десятки, сотни лѣтъ; онъ требуетъ много живительныхъ соковъ, много свѣту, тепла и влаги, за то онъ и стоитъ сотни лѣтъ. Поэтому, какое бы доброе дѣло мы ни начали, мы прежде всегда должны гнаться не за внѣшнимъ показнымъ его успѣхомъ, лестнымъ для нашего самолюбія, а за внутренней прочностію, за духовной стойкію. Особенно это надо имѣть въ виду при великомъ дѣлѣ отрезвленія народа. Серьезное отрезвленіе народа—дѣло новое, трудное, недостаточно понимаемое и мало цѣнимое, даже презираемое. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо надо помнить, что скоро не бываетъ споро, что если поспѣшишь, людей насмѣшишь, да и дѣлу только повредишь. Вотъ почему не надо удивляться, что у насъ мало трезвенниковъ. Грѣха таить не станемъ, были и у

насъ случаи паденія: двое-трое изъ записавшихся въ наше общество не выдержали своего обѣта воздержанія и преждевременно начали пить водку. Такъ что же тутъ удивительнаго. Много смущаться этимъ не станемъ. И въ виноградникахъ на зеленыхъ свѣжихъ кистяхъ винограда бываютъ кислыя и горькія ягоды; въ теплицахъ и оранжереяхъ среди зрѣлыхъ, красивыхъ, чистыхъ персиковъ и сливъ растутъ гнилые плоды, которые преждевременно опадаютъ съ вѣтвей и окончательно погибаютъ. Среди даже Апостоловъ одинъ погибъ, Но всѣ такіе и подобные имъ отбросы, которыхъ слово Божіе называетъ клятвопреступниками, намъ не урокъ, они также погибнутъ, какъ погибъ несчастный Иуда, если не обратятся къ Матери своей Церкви и не покаются и не принесутъ плодовъ достойныхъ покаянія. Но не о нихъ у насъ рѣчь. Наше общество трезвости для своихъ членовъ должно быть духовной лечебницей. Оно задано цѣлью, чтобы записавшагося пьяницу современемъ такъ перевоспитать, такъ его отрезвить и укрѣпить духовно, чтобы онъ затѣмъ всю жизнь и при записи и безъ записи не могъ бы прикоснуться къ водкѣ. А это требуетъ долгой, разумной и осмотрительной работы. Сколько г.г. хватить у насъ умѣнья, насколько достанетъ силъ и терпѣнія, мы съ полною готовностью будемъ работать на пользу страждущаго нашего народа для его отрезвленія и души спасенія. Только, повторяю, народное отрезвленіе—дѣло новое, дѣло трудное, дѣло пока недостаточно цѣнимое. Его надо творить не торопясь, съ большимъ усердіемъ и глубокимъ смиреніемъ. Успѣхъ его слѣдуетъ измѣрять не числомъ записавшихся, а достоинствомъ средствъ нравственнаго воздѣйствія на трезвенниковъ. Въ Божьемъ дѣлѣ не мѣсто славѣ человѣческой: въ Евангеліи отъ Луки мы читаемъ, что когда Иисусъ Христосъ еще при жизни своей посылалъ учениковъ на проповѣдь и когда они вернулись, то съ радостію говорили: Господи, „и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ“, а Спаситель сказалъ имъ въ отвѣтъ: „не тому радуйтесь, что духи вамъ повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ (Лук. 10, 17—20). Вотъ, что должно насъ окрылять, вотъ чего должны мы достигнуть, работая на нивѣ народнаго отрезвленія, чтобы имя наше было написано тамъ на небѣ. Да, я заблуждался. Но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Z.

ИЗЪ СВѢТСКОЙ ПЕЧАТИ.

Параллели между Россіей и Англіей,
англійскаго писателя Уэльса.

Передъ отъѣздомъ въ Англію гостившій въ Россіи писатель Уэльсъ подѣлился своими впечатлѣніями о Россіи. Параллели писателя между Россіей и Англіей, умѣлая и живая, помѣщены въ „Рус. Вѣдомостяхъ“. Приводимъ лишь отдѣльныя мѣста изъ этихъ впечатлѣній, въ сообщеніи въ редакцію свяш. А. Введенскаго.

Я только-что провелъ около двухъ недѣль въ Россіи,— говоритъ Г. Уэльсъ,—и мой мозгъ нагруженъ такимъ ворохомъ самыхъ разнообразныхъ переживаній и мыслей, какія еще ни одна другая страна во мнѣ никогда не вызывала. Я прямо изнемогаю подъ бременемъ ихъ и чувствую, понадобится нѣсколько мѣсяцевъ времени и размысленій, прежде чѣмъ буду въ состояніи приняться за разборку и распредѣленіе этой многосложной добычи, этого великолѣпнаго накопленія даровъ. А пока я могу только набросать кое-какія случайныя, спутанныя впечатлѣнія.

Передо мной встаетъ множество картинъ, и нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать къ числу самыхъ прекрасныхъ картинъ, какія я когда-либо видѣлъ. Вотъ яркая гроздь куполовъ, башенъ и крестовъ Кремля, сверкающая въ мягкомъ солнечномъ свѣтѣ яснаго зимняго дня, а внизу—вся Москва, въ которой каждый крестъ горитъ огненнымъ пламенемъ; вотъ еще этотъ многогранный драгоценный камень, выхваченный откуда-то, словно изъ Индіи, и посаженный среди электрическихъ трамваевъ и автомобилей—соборъ Василя Блаженнаго, тусклый блескъ золота въ мерцаніи лампадокъ и свѣчей внутри Успенскаго собора; солнечный закатъ надъ рѣкой Волховомъ въ Новгородской губерніи, когда я ѣхалъ на саняхъ по льду.

Всѣ мои впечатлѣнія отъ русской городской жизни отличаются какимъ-то особеннымъ отпечаткомъ и совсѣмъ не похожи на мои воспоминанія о другихъ странахъ. Мнѣ кажется, это происходитъ прежде всего вслѣдствіе преобладанія чернаго и золота въ общей картинѣ: въ Россіи почти всѣ вывѣски, надписи на магазинахъ, отеляхъ и проч. сдѣланы золотыми буквами по черному фону, этими двумя самыми интенсивными по зри-

тельному воспріятію цвѣтами. И это придаетъ уличнымъ эффектамъ яркость и силу, которыхъ я раньше нигдѣ не замѣчалъ. Но надо вѣдь помнить, что Англія—страна полутоновъ, тамъ встрѣчаешь сѣрый цвѣтъ, сине-сѣрый и нѣжно-золотой, даже въ ея зелени. Краски-же русскаго ландшафта, какъ и краски русскаго искусства и живописи,—т. е. настоящей, истинной русской живописи,—яркая противоположность нашимъ. Я видѣлъ Россію только зимой, но увѣренъ, что весенняя зелень Россіи должна быть изумрудна и ярка и подчеркнута, даже теперь сосны и березовые стволы таятъ въ себѣ яркіе, сильные эффекты.

Кстати объ отличіяхъ и противоположностяхъ между Англіей и Россіей. Такъ, удивительно-ли похожи другъ на друга англичане и русскіе, или-же поразительно противоположны?

Насколько можно судить по первому внѣшнему впечатлѣнію, сходство прямо поражаетъ меня. Русскіе безусловно внѣшне болѣе похожи на англичанъ, чѣмъ любой другой народъ, который я видѣлъ и среди котораго хоть немного жилъ. Они не только похожи лицомъ, но ходятъ, двигаются, держатъ руки, сидятъ на стульяхъ, въ креслахъ какъ истые англичане, и общій стиль въ манерѣ одѣваться въ среднихъ и высшихъ классахъ населенія приближается къ англійскому. И русскія женщины во многомъ напоминаютъ англійскихъ, съ ихъ своего рода естественной свѣжестью и какимъ-то пренебреженіемъ къ франтовству, что является противоположностью француженкамъ и американкамъ. Онѣ куда болѣе англичанки по стилю, манерѣ держаться, общимъ интонаціямъ рѣчи, чѣмъ американки.

Но именно это общее сходство между русскими и англичанами и подчеркиваетъ мелкія индивидуальныя и незначительныя особенности этого рода.

Опытъ доказалъ мнѣ яснѣе, чѣмъ я сознавалъ вначалѣ, что не только русскіе и англичане похожи другъ на друга, какъ двѣ перчатки, но что они такъже противоположны, какъ правая и лѣвая. Они такъже противоположны, какъ Востокъ и Западъ, какъ отрицательный и положительный полюсы электричества, какъ полдень и полночь, несмотря на то, что образы совершенно одинаковы.

Я не нахожу объясненія этой разницы, я даже не могу сказать, лежитъ-ли она гдѣ-то въ воспитаніи и традиціяхъ, или гдѣ-то въ корняхъ расы, но она встаетъ передо мной въ тысячахъ разнообразностей, и все что я могу сдѣлать, это отмѣтить

одно или два главнѣйшихъ проявленія этого отличія. *Главное изъ нихъ, конечно, въ глубокой религіозности русскаго.* Италия изобилуетъ благородными и красивыми церквами, потому что итальянцы — художники и зодчіе; церковь составляетъ существенную основу англійской соціальной системы, но Москва сіяетъ почти двумя тысячами крестовъ, потому что народъ русскій органически христіанскій.

Я чувствую, что въ Россіи, впервые въ жизни, я нахожусь въ странѣ, гдѣ христіанство еще живо. Люди, которыхъ я видѣлъ осыняющими себя крестнымъ знаменемъ, проходя мимо церкви, бородатые мужи, цѣловавшие мощи въ Успенскомъ соборѣ, грязный, непричесанный, строголикій богомолець, молчаливо, неподвижно стоявшій у колонны въ томъ-же соборѣ, съ его оборванной котомкой за спиной и жестяннымъ чайникомъ на поясѣ, — не знаютъ себя равныхъ въ Англии. Въ сравненіи съ Россіей, Англія абсолютно иррелигіозна. Англійскія церкви на нашихъ городскихъ улицахъ стоятъ какъ будто въ сторонѣ отъ жизни и совершенно забыты. Соборъ св. Павла высится надъ Лондономъ словно забытая бездѣлушка въ полномъ суеты домѣ. Если-же вы войдете въ него, вы услышите наипрекраснѣйшую музыку и увидите наивоспримчивѣйшую и наивнимательнѣйшую аудиторію, — такъ какъ это — аудиторія, а не паства, — но ни намекъ на молитву.

Видимо и невидимо, соборъ св. Павла въ Лондонѣ, какъ и все, что онъ символизируетъ, построень изъ тѣнистыхъ сѣрыхъ тоновъ, нѣжныхъ линий, мягкихъ неясностей, составляющихъ великолѣпный яркій контрастъ съ кованный мѣдью, сверкающимъ золотомъ, торжественнымъ тьсноптьніемъ, ароматомъ ладона русскихъ церквей.

И замѣчательнѣе всего, что когда я обращаюсь отъ русскихъ церковныхъ алтарей къ тому, что, мнѣ кажется, является противоположнымъ полюсомъ русской жизни, — къ „интеллигенціи“ и къ жизни „скептическихъ“ классовъ, какой я ее вижу изображенной въ русскихъ пьесахъ и романахъ, и въ переданныхъ мнѣ рассказахъ, я все-же нахожу ту-же противоположность въ сравненіи съ Англіей. Тутъ я вижу русскаго серьезнымъ, сосредоточеннымъ, простымъ, горячо-вѣрующимъ и религіознымъ. Онъ все еще вѣритъ въ реальное присутствіе. Въ „кризисахъ“ жизни, въ самыхъ тяжелыхъ, большихъ моментахъ глубокихъ душевныхъ переживаній, „эмапсипированный“ русскій

останавливается, чтобы профилософствовать, чтобы взвѣстить моральныя цѣнности; точно такъ же, какъ его „православный“ братъ погружается въ молитву или отправляется въ паломничество. Эти вещи для нихъ болѣе реальны, чѣмъ дѣйствіе. Для обоихъ изъ нихъ существуетъ судъ, гдѣ приговоры играютъ большую роль, чѣмъ факты, практическая дѣйствительность, внѣшнія проявленія жизни. Можетъ быть, они по разному называютъ этотъ судъ, этотъ трибуналъ, можетъ-быть, они его никакъ не называютъ, но тѣмъ не менѣе онъ тамъ, внутри нихъ, „Къ чему теперь говорить?“—спрашиваетъ англичанинъ въ минуту крайности, признавая себя поглощеннымъ исключительно практической дѣйствительностью. Если-бы у меня хватило сейчасъ терпѣнія, я-бы подтвердилъ это сравненіе тысячами примѣровъ изъ пьесъ и книгъ. Оно такъ-же ярко проявляется даже въ самоубійствахъ. Англичанинъ кончаетъ съ собою по чисто практическимъ соображеніямъ, потому что онъ „проигралъ ставку“ или-же опозорилъ себя, потому что у него нѣтъ другого выхода, больше ничего нельзя сдѣлать. *Русскіе-же храбро перенесутъ всякія жизненныя несчастія, будутъ терпѣть свои ошибки и позоры до степени, которую англичане объявили бы нестерпимой*, а съ другой стороны убиваютъ себя либо по высшимъ теоретическимъ или этическимъ соображеніямъ, либо потому, что волѣ поставлена непосильная задача или любовь обманула. И не оттого это, что они въ меньшей степени реалисты, чѣмъ англичане, но оттого, что ихъ чувство реальности, ихъ осозаніе дѣйствительности куда болѣе глубоко.

Вотъ это, мнѣ кажется,—я невольно долженъ прибѣгнуть къ обобщеніямъ,—и является ключемъ ко многимъ контрастамъ столь явнымъ между нами. У англичанъ какъ будто нѣтъ никакихъ реальныхъ вѣрованій, церковь въ Англіи призрачна, монархія безсильна, жизнь англичанъ управляется лишь внѣшностями и такъ называемыми приличіями; въ жизни англичанъ никакой роли не играютъ ни совѣсть, ни исканія духа и сердца. Все это у нихъ замѣняется „приличіями“, „респектабельностью“ *Въ Россіи же на жизнь и ея цѣли умѣютъ смотрѣть серьезно. Душа русскаго, точно такъ же, какъ его церкви, его картины, его дѣтскія кустарныя игрушки, окрашена и соткана изъ болѣе яркихъ, примитивныхъ, болѣе убѣдительныхъ красокъ. Его религія реальна, его монархія реальна, его жизнь—сплошной страстный самоанализъ, самоуглубленіе, такъ какъ онъ одаренъ върой.*

*Россія полна вѣры, преисполнена вѣры, миро и благо-
вонное масло проступаетъ всюду.*

А я, хотя самъ англичанинъ, и всю жизнь очень много ду-
малъ и размышлялъ объ Англии, право не знаю, есть ли въ Ан-
глии вообще какая-либо вѣра во что-нибудь, а если она есть, то,
должно быть, очень слабая и гдѣ-то глубоко-глубоко запрятанная.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Собрание палестинскаго общества въ Симбирскѣ.

23 марта въ покояхъ архіерейскаго дома состоялось об-
щее собраніе симбирскаго отдѣла Императорскаго православ-
наго палестинскаго общества. Предсѣдательствовалъ на со-
браніи Преосвященнѣйшій Веніаминъ Епископъ Симбирскій и
Сызранскій. Въ числѣ присутствовавшихъ находились г. гу-
бернаторъ А. С. Ключаревъ, управляющій акцизными сборами
Н. В. Хомчикъ, тайный совѣтникъ А. П. Горизонтовъ, управ-
ляющій симбирскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка А. И.
Полешко, о. ректоръ духовной семинаріи протоіерей А. В.
Стерновъ, городское духовенство, купечество и проч.

Послѣ пѣснопѣнія „Днесъ благодать Св. Духа нашь
собра“, Преосвященный Веніаминъ, преподавъ благословеніе,
объявилъ собраніе открытымъ.

Доложенный членомъ отдѣла о. протоіереемъ І. В. Ни-
кольскимъ отчетъ о дѣятельности отдѣла за 1913 г. и актъ
ревізійной комиссіи по обревизованіи отчетности за тотъ же
годъ, собраніемъ утверждены.

Затѣмъ членъ отдѣла А. Э. Жуковъ доложилъ собранію
справку о поступленіи суммъ симбирскаго отдѣла — въ Импе-
раторское палестинское общество и о дѣятельности послѣд-
няго въ Палестинѣ.

Сообщеніе о послѣдовавшей 17 ноября отчетнаго года
кончинѣ члена совѣта отдѣла М. Н. Зиминскаго — почтено
вставаніемъ и пѣніемъ „вѣчной памяти“.

Членъ-сотрудникъ симбирскаго отдѣла крестьянинъ Н. Т. Назаровъ въ виду его особаго усердія по сбору пожертвованій на палестинское общество избранъ пожизненнымъ членомъ-сотрудникомъ отдѣла.

Затѣмъ собраніемъ постановлено выразить благодарность благочинному 3 округа, сызранскаго уѣзда, священнику о. Александру Боголюбову и членамъ-сотрудникамъ отдѣла Катову и Ермохину—первому за полезную организацію чтеній въ округѣ о Святой землѣ, а остальнымъ за успѣшные сборы на палестинское общество.

Далѣе собраніе постановило, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, выдать вознагражденіе писцу отдѣла 20 руб., и сторожамъ 12 р., разрѣшивъ на будущее время выдавать это вознагражденіе по третямъ года.

По предложенію Преосвященнѣйшаго Владыки Веніамина, собраніе единогласно избрало симбирскаго губернатора А. С. Ключарева—пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ симбирскаго отдѣла и выразило свою благодарность членамъ-сотрудникамъ отдѣла о. протоіерею М. Ө. Троицкому и дѣйствительному статскому совѣтнику И. Я. Яковлеву за ихъ труды по обревизованію отчетности отдѣла.

Во время перерывовъ собраній, пѣлъ хоръ воспитанниковъ чувашскаго Симбирскаго училища, прекрасно исполнявшій пѣснопѣнія: „Воскресеніе Христова видѣвше“ муз. Архангельскаго, „Богородице, Дѣво радуйся“ — Архангельскаго по-чувашски и „Хвали душе моя Господа“ — архіепископа Никанора. Послѣ пѣснопѣнія „Достойно есть“, собраніе было объявлено закрытымъ, и Преосвященнѣйшій Веніаминъ, благословляя присутствующихъ, выразилъ имъ свою сердечную благодарность за посѣщеніе настоящаго собранія.

«Симбирянинъ».

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ НАШИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Служеніе панихидъ и значеніе ихъ въ приходской жизни.

Прочитавъ въ № 3-мъ Епархіальныхъ Вѣдомостей о томъ, гдѣ цѣлесообразнѣе совершать панихиды по умершемъ, я, какъ служитель Церкви Божіей, пожелалъ подѣлиться своими убѣжденіями и практикой вообще относительно благотворнаго дѣйствія ихъ.

Самое первое средство ко вліянію на народъ со стороны пастыря Церкви, а лучше сказать со стороны всѣхъ священнослужителей, благоговѣйное совершеніе въ храмѣ церковнаго богослуженія, въ особенности литургіи, во время которой достойно причащающійся Св. Таинъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ Самимъ Иисусомъ Христомъ и въ немъ становится причастникомъ жизни вѣчной, а потому одно присутствованіе при божественной литургіи можетъ быть весьма плодотворно для вѣрующіихъ. Затѣмъ церковная проповѣдь, проникнутая теплотою вѣры и убѣжденій.

Не меньшее значеніе имѣетъ также, безъ всякаго уклоненія отъ пастырскихъ обязанностей, при полномъ участіи души, неторопливое совершеніе внѣ церкви у прихожанъ требъ, въ особенности служеніе панихидъ, во время которыхъ человѣкъ, растроганный горемъ по умершемъ, ищетъ утѣшенія въ надеждѣ на Бога и вполне дѣлаетъ свое сердце размягченнымъ для принятія истинъ вѣры и благочестія. Панихида внушаетъ каждому о смерти и будущей жизни, а памятованіе объ этомъ даже атеиста побуждаетъ искать Бога и истинный смыслъ жизни и обновляетъ внутренняго человѣка.

Въ приходѣ, гдѣ я священствую уже продолжительное время, за послѣднее время служеніе панихидъ участилось: совершаются онѣ по благочестивому церковному обычаю въ третій, девятый, двадцатый и годовичное время и вообще когда установлено Церковію совершать поминовеніе умершихъ. О значеніи поминовеній хорошо нынѣ изложено въ выпущенныхъ св. обителями поминовеній, которыя охотно покупаются прихожанами и вслѣдствіе развитія грамотности прочитываются ими самими. Поощрять это благое дѣло умственнаго напряженія не требуется, а лишь нужны

фізическія труды съ полнымъ участіемъ души послужить своему ближнему въ дѣлѣ спасенія и распредѣленіе времени не въ ущербъ другимъ пастырскимъ обязанностямъ. Совершаются панихиды большею частію послѣ литургіи, неотложныхъ требоисправленій и школьныхъ занятій, исключая родительскія субботы:—если онѣ бывають въ зимнее время, панихиды совершаются вслѣдъ за окончаніемъ литургіи въ оградѣ церкви, если въ лѣтнее время, то по часовомъ отдыхѣ послѣ литургіи—на кладбищѣ. Чтобы собраться одновременно прихожанамъ и причту на кладбище, служеніе панихидъ предваряется рѣдкимъ колокольнымъ непродолжительнымъ звономъ. Умилительная и трогательная картина получается въ то время, когда православный народъ тамъ собирается: каждый стоитъ на могилѣ своего родственника или друга предъ памятникомъ—крестомъ, какъ символомъ побѣды надъ адомъ и смертію, изливаетъ душу свою съ вѣрой въ Бога и любовію къ умершему, благожелаетъ ему блаженной жизни, ища какъ бы братскаго единенія съ нимъ чрезъ посредство моленія отца своего духовнаго, выражаемого служеніемъ панихиды. Особенно горячо молится въ это время стоящій у свѣжей могилы, слезами онъ орошаетъ ее, представляя въ памяти образъ сокрытый ею. Невольно самъ прослезисься, тутъ же воображеніемъ нарисуешь картину исторіи воскрешенія Лазаря и начнешь размышлять о началѣ и концѣ здѣшней жизни мирно почивающихъ православныхъ христіанъ подъ сѣнію креста, того символа нашего спасенія, который ограждаетъ насъ подъ кровомъ Церкви Христовой отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ и какъ побѣдное знамя носится нами, съ нами и надъ нами со дня духовнаго рожденія—крещенія и до самаго погребенія, путеводя къ вѣчной жизни, гдѣ нѣтъ уже слезъ и печалей, а одно нескончаемое блаженство. И доколѣ христіанинъ ходитъ въ здѣшней жизни съ крестомъ и посѣщаетъ могилки подъ крестомъ, прося молитвъ церковныхъ, онъ есть истинный членъ Святой, Соборной и Апостольской Церкви и отважный воинъ съ побѣдоноснымъ знаменемъ вѣры на кораблѣ спасенія противъ бурныхъ волнъ невѣрія и всякаго еретическаго ученія. Приведемъ на память жизнь христіанъ первыхъ вѣковъ христіанства: не молитва-ли вѣры въ катакомбахъ или въ другихъ мѣстахъ погребенія надъ гробами мучениковъ предъ символическими изображеніями распятаго за насъ Христа, Агнца Божія вземлющаго грѣхи всего міра, укрѣпляла ихъ въ христіанской вѣрѣ, надеждѣ и любви и

дѣлала великими борцами противъ враговъ Церкви? Или примемъ потомъ во вниманіе распространеніе христіанства равноапостольнымъ царемъ Константиномъ: не знаменемъ-ли вѣры—крестомъ онъ побѣдилъ внѣшнихъ враговъ Церкви и даровалъ ей миръ и господство? Въ нынѣшнее лукавое время дорожить нужно правильнымъ религіознымъ настроеніемъ христіанина и всячески поддерживать его въ виду того, что всюду являются мнимые страдатели въ лицѣ различныхъ сектаторовъ и ученыхъ пропагандистовъ, которые съ усиліемъ стараются вырвать св. знамя креста у православнаго христіанина и посѣять въ сердцѣ его плевелы невѣрія или нравственной распущенности, чтобы тѣмъ исторгнуть его изъ лона Церкви въ ложе масонства или къ произволу животнаго царства—что хочю, то и дѣлаю, безъ отвѣта за свои безнравственныя дѣйствія какъ здѣсь на землѣ, такъ и въ будущей загробной жизни.

Да! добрый обычай совершать служителями Церкви панихиды. Какъ онъ хорошо поддерживаетъ въ приходѣ вѣру родную, эту душу души народной, и цѣлбно дѣйствуетъ еще на другія болѣзни въ организмѣ нашего общества, убивающія не только душу, но и тѣло человѣка. А болѣзни эти ему свойственны, въ числѣ которыхъ немаловаженъ недугъ пьянства и соединеннаго съ нимъ хулиганства. Не такъ давно было, что поминовеніе усопшихъ сопровождалось пьянствомъ даже въ приходяхъ съ русскимъ населеніемъ, не говоря объ инородцахъ, гдѣ языческой обычай существуетъ мѣстами до сего времени и рѣдкая трапеза послѣ панихиды была та, гдѣ не было вина, но нынѣ, при помощи Божіей, при частомъ посѣщеніи домовъ прихожанъ служителями Церкви, винопитіе на поминальныхъ обѣдахъ начало уничтожаться и чрезъ что общественный организмъ сталъ обновляться.

А потому остается пожелать, чтобы служеніе панихидъ практиковалось по возможности чаще и чаще, какъ полезное средство къ утвержденію вѣры православной и насажденію благочестія въ приходской жизни.

Священникъ П. Красковъ.

С М Ъ С Ъ

В С Т Р Ъ Ч А.

(Пасхальный разсказъ).

Въ Горюхинѣ, какъ и вездѣ, хлѣбная „магазея, для ради несчастнаго случая“ стояла довольно далеко за сельскою околицею; при магазей, на всякій случай, имѣлся сторожъ. Должность эту безсмѣнно уже много лѣтъ исправлялъ старый Гаврилычъ. Платы ему полагалось отъ общества за это два рубля въ мѣсяць, а помѣщеніемъ служила крохотная, въ квадратную сажень величиною, избенка, притулившаяся около „магазеи“.

Въ Горюхино Гаврилычъ прибрелъ въ одинъ прекрасный день откуда то издалека, съ сумой за плечами, собирая милостыню и, вѣроятно, обойдя разъ-другой село, онъ прослѣдовалъ бы дальше, но прихворнулъ и задержался, а тутъ кто то предложилъ ему мѣсто сторожа „магазеи“ и онъ рѣшилъ попробовать и остался, да такъ и застрялъ здѣсь на неопредѣленное время.

Какъ ни плохо было тутъ, но всетаки это было удобнѣе хожденія подъ окнами и кромѣ того былъ хоть и жалкій, но опредѣленный уголъ.

Кормился Гаврилычъ тѣмъ, что все время сидѣлъ и ковырялъ лапти, заказовъ на которые отъ Горюхинскихъ обывателей и обывательницъ поступало множество. За эту нехитрую работу онъ получалъ иногда кое какіе гроши, по большой же части расплата производилась натурою: кто несъ Гаврилычу хлѣба, кто молока, кто пару яицъ, кто поношенное платье и день за днемъ Гаврилычъ жилъ и былъ, насколько возможно въ его положеніи—доволенъ.

Прямая обязанность Гаврилыча по охранѣ «магазеи» были весьма несложны: днемъ магазей не нуждалась въ охранѣ, а ночью, время отъ времени, Гаврилычъ выползалъ изъ своей конурки, обходилъ кругомъ ввѣренное его попеченію общественное учрежденіе, колотилъ нѣсколько разъ, для острастки лихихъ людей въ доску, подвѣшенную около магазей на веревкѣ и.. опять ложился спать, смотря по времени года на жесткую лавку или на горячую печь, которая такъ пріятно согрѣвала его старое, постоянно нывшее тѣло.

Исторія жизни Гаврилыча была весьма обычная: когда то у него былъ свой домъ, по крестьянству довольно благоустроенный и полное хозяйство. Семьи было только одинъ сынъ, котораго Гаврилычъ женилъ, какъ только тотъ вошелъ въ года и благодаря этому въ домѣ прибавился лишній человѣкъ и лишняя пара рабочихъ рукъ.

Казалось бы, въ дальнѣйшемъ, жизнь этой маленькой семьи должна идти такъ, какъ у всѣхъ, но судьба готовила совершенно иное.

Вскорѣ послѣ женитьбы сына померла старуха—жена Гаврилыча, а черезъ годъ, вслѣдъ за нею, отправилась въ могилу отъ какой то болѣзни и Егорова молодуха, и Гаврилычъ съ сыномъ остались бобылями.

Съ той поры въ домѣ все пошло по иному: при отсутствіи женскаго глаза въ домѣ былъ постоянный беспорядокъ и запущенность. Пытался Гаврилычъ какъ нибудь наладить все это, предлагалъ Егору жиниться снова, но тотъ не слушалъ отца, говоря, что вторая жена не замѣнитъ ему покойной, которую онъ очень жалѣлъ и сперва съ горя, потомъ уже по привычкѣ, началъ пить, что дальше, то больше и, въ концѣ концовъ, совершенно опустился: началъ тащить, что попало изъ дома и пропивать, работу совершенно оставилъ; характеръ его совершенно измѣнился: обычно сговорчивый и уступчивый человѣкъ, Егоръ сталъ сварливымъ, невыносимымъ человѣкомъ, постоянно ссорился съ отцомъ и не разъ даже билъ его. Жизнь стала для Гаврилыча совершенно невыносимой и, когда онъ убѣдился, что надежды ни на что лучшее впереди нѣтъ, рѣшилъ какъ нибудь покончить со всѣмъ этимъ и привелъ рѣшеніе въ исполненіе: однажды, послѣ тяжелой ссоры съ сыномъ, окончившейся тѣмъ что сынъ прибилъ его и выгналъ вонъ, Гаврилычъ взялъ стоящую около двери палку, перекинулъ за спину пустой мѣшокъ, помолился на старыя почернѣвшія иконы и ушелъ изъ дому, твердо рѣшивъ не возвращаться больше.

— Прощай, сынокъ, думалъ я, успокоишь ты мою старость, да не то вышло, тѣсно намъ съ тобой вдвоемъ, видать, лучше разойтись. Прощай, Богъ знаетъ когда встрѣтимся...

— Скатертью дорога, проваливай, старый грѣхъ, подальше, былъ отвѣтъ Егора и съ той поры вотъ уже много длинныхъ лѣтъ пронеслось надъ старою головою Гаврилыча, а онъ все еще помнилъ пережитое такъ же отчетливо, какъ и на другой день послѣ своего ухода изъ родного угла.

Что дѣлалось тамъ, на родной сторонѣ, Гаврилычъ не зналъ, потому что Горюхино было очень далеко отъ его села и никакія вѣсти сюда не доходили оттуда. А сильно хотѣлось узнать какъ и что тамъ, но идти въ далекій путь старику было уже не подь силу и какъ ни больно, но приходилось мириться съ мыслью, что не видать уже родимыхъ мѣстъ и старымъ костямъ суждено тлѣть на чужомъ погостѣ.

Несмотря на то, что Гаврилычъ жилъ въ Горюхинѣ давно, онъ ни съ кѣмъ близко не сошелся, во первыхъ потому что не имѣлъ ничего общаго съ мѣстными обывателями, а во вторыхъ потому, что старикъ, жившій изъ милости въ чужомъ селѣ никому не былъ ни нуженъ, ни интересенъ. Только по зимамъ въ лачугѣ Гаврилыча появлялся живой человѣкъ, дѣлившій съ нимъ его одиночество и убогую пищу. Это былъ подпасокъ Петряйка, Горюхинскій сирота, котораго лѣтомъ общество употребляло въ качествѣ подпаса при мірскомъ стадѣ, давая ему за это возможность быть сытымъ, а зимой предоставляло полную свободу заниматься чѣмъ угодно и кормиться какъ угодно.

Петряйка забѣгалъ очень часто въ хибарку Гаврилыча и помогалъ ему ковырять лапти и подолгу жилъ вмѣстѣ съ нимъ и ночевалъ на одной печи и незамѣтно они сошлись очень близко, настолько близко, насколько позволяла разница ихъ лѣтъ. Петряйка инстинктивно искалъ какой нибудь поддержки, опоры, а старое сердце Гаврилыча—привязанности и на этой почвѣ они сошлись. Едвали не одинъ только Петряйка зналъ исторію Гаврилычевыхъ злоключеній и часто они между собою вели разговоры на тему о томъ, что было бы, если бы судьба не загнала Гаврилыча въ такую даль отъ родного села.

И теперь, въ пасхальную ночь, когда всюду и всѣ готовились встрѣтить свѣтлый праздникъ, они двое, одинокіе, сидѣли на лавочкѣ передъ хибаркой и вели разговоръ.

— Нда, братъ Петряйка, всѣмъ, кромѣ насъ съ тобою, праздникъ, всѣ помяютъ, какой завтра день, всѣ ждутъ. Слышишь, даже ни одна собака въ селѣ нынче ночью не тявкаетъ; вонъ вонъ на болотѣ вчера всю ночь кулики да утки крякали да пищали, а нынче—слышишь ли хоть одну?

— И есть не слышно, дяденька.

— То то и оно, братъ.

— А въ селѣ, дяденька, теперь, у церкви, чай ребятишки фонари развѣшиваютъ, пойти бы и мнѣ туда, сбѣгать.

— А ты погоди, еще рано, успеешь насмотрѣться, посиди малость со мною, а то въ такую ночь мнѣ что то не по себѣ.

— Вотъ, дяденька, кабы жилъ ты теперь дома, тоже бы хорошо тебѣ было, пошелъ бы къ заутрени, разговляться бы сталъ со всѣми, а теперь сиди тутъ одинъ, я раньше свѣта не приду къ тебѣ.

— Вѣрно, Петряйка, другое было бы тогда дѣло, да и я не тотъ бы былъ. Теперь я вотъ никуда не гожусь, а живи я въ призорѣ, я бы еще какъ работалъ, а не ковырялъ бы одни только лапти, какъ теперь ковыряю.

— А хочется небойсь домой то?

— Эхъ, Петряйка, вотъ какъ хочется объ ину пору, кабы ты зналъ, были бы силы, всталъ бы я и пошелъ, вотъ сейчасъ же, хоть можетъ тамъ меня всѣ давнымъ давно и забыли, а всетаки своя сторона. Можетъ быть Егорка дѣлами поправился, остепенился, можетъ быть и онъ хочетъ увидать меня, да не знаетъ гдѣ найти. Вотъ когда станетъ совсѣмъ тепло, пойду я опять Христовымъ именемъ потихоньку, авось и доберусь какънибудь, а не дойду, такъ что здѣсь, что въ другомъ мѣстѣ умереть, не все ли равно.

— Ну, дяденька, я пойду на село...

— Что же съ тобой дѣлать, не хочется сидѣть со старикомъ, такъ иди, да мотри приходи разговляться, мнѣ давеча утромъ кое чего добрые люди нанесли, есть чѣмъ встрѣтить праздникъ.

— Небойсь, ужъ я приду...

Петряйка зашлепалъ ногами по грязи и скрылся въ темнотѣ, а Гаврилычъ остался одинъ съ своими невеселыми думами.

Пасха въ этотъ годъ была ранняя, земля только что освободилась изъ подъ снѣга, было сыро и грязно, но всетаки это было не то, что осенняя слякость, чувствовалось, что природа не засыпаетъ, а готовится къ дѣятельной жизни. На бездонномъ черномъ небѣ ярко, по весеннему горѣли крупныя звѣзды, словно пытливо всматриваясь въ то, что дѣлается тамъ внизу на землѣ.

Было совершенно тихо, только иногда изъ села доносился слабый, расплывшійся въ воздухъ говоръ проходившихъ по улицамъ, но онъ не нарушалъ всетаки таинственной тишины ночи, а наоборотъ, сильнѣе лишь отѣнялъ ее.

Мало помалу, передъ взорами Гаврилыча начали выдѣляться контуры высокой колокольни, на которой начали развѣши-

вать фонари, скоро вся она одѣлась въ множество разноцвѣтныхъ огоньковъ, видимо скоро наступала полночь и Гаврилычъ напряженно ожидалъ перваго удара колокола.

И вотъ, въ вышинѣ, смѣло прорѣзая тишину поплылъ первый звучный ударъ, второй, третій и широкая волна торжественнаго благовѣста поплыла надъ окрестностями.

Спустя немного, звуки на минуту затихли, словно задумавшись, потомъ густыя ноты большого колокола, подхвативъ съ собою веселыя голоса другихъ мелкихъ колоколовъ, понеслись съ ними далеко въ непредѣльную высоту.

Какъ только начался благовѣстъ, Гаврилычъ поднялся со скамейки и обернувшись лицомъ туда, гдѣ сіяла освѣщенная церковь, началъ молиться. Онъ забылъ о томъ, что стоитъ одиноко около своей убогой лачуги, его уже не было тутъ, его душа въ искреннемъ молитвенномъ порывѣ унеслась далеко за предѣлы окружающаго.

Окончивъ молитву, Гаврилычъ обошелъ на всякій случай магазю и отправился въ хибарку, потому что старое изможденное тѣло требовало отдыха.

Онъ забрался на печь, накрылся чапаномъ и скоро сонъ спустился къ нему.

Громкій стукъ въ дверь внезапно заставилъ его проснуться и приподняться на мѣстѣ.

— Должно Петряйка вернулся, рѣшилъ Гаврилычъ и, подойдя къ двери, окликнулъ:

— Кто тамъ, ты что ли, Петряйка?

Но вмѣсто знакомаго голоса, изъ за двери послышался чей то дрожащій стонъ:

— Пустите, кто есть тутъ, Христа ради, прохожаго обогрѣться, совсѣмъ измучился, да попалъ въ яму, продрогъ и не могу идти дальше.

Не раздумывая долго, Гаврилычъ отворилъ дверь и мимо него, въ темнотѣ, въ лачугу продвинулась невидимая фигура пришлеца.

— Постой, добрый человекъ, я огня вздую, сейчасъ я, разомъ...

Черезъ минуту крохотная копилка разогнала темноту и Гаврилычъ увидѣлъ своего неожиданнаго гостя.

Это былъ уже довольно пожилой мужикъ, по всѣмъ признакамъ больной какою то болѣзною, медленно съѣдавшюю его. На немъ былъ одѣтъ городской истрепанный костюмъ, весь вы-

мокшій и плотно прилипшій къ тѣлу. Подлѣ ногъ незнакомца стояла лужа воды, сбѣгавшей съ его одежды.

— Ты постой, я дамъ тебѣ хоть шубу одѣться, вишь ты какой мокрый, тебя чай лихоманка бьетъ?

И стащивъ съ печи какія то лахмотья, Гаврилычъ подалъ ихъ гостю.

— На ка вотъ. А потомъ давай разговляться, коли Богъ послалъ мнѣ тебя въ гости, можетъ ты и голоденъ?

— Съ утра крохи во рту не было, проговорилъ гость.

— Ну вотъ, за одно ужъ и покормлю тебя, садись-ка.

Черезъ минуту Гаврилычъ выставилъ на столъ весь свой скудный запасъ, они похристосовались и началось разговорье.

Все время старикъ внимательно разглядывалъ гостя. Съ самаго начала ему почудилось что то знакомое, полузабытое въ его лицѣ и фигурѣ, а теперь когда онъ спокойно сидѣлъ за столомъ, онъ рассмотрѣлъ его вполнѣ и къ своему изумленію убѣдился, что передъ нимъ никто иной, какъ его сынъ, котораго судьба завела Богъ вѣсть какими путями къ нему. Но сынъ видимо не узнавалъ отца и занятъ былъ только уничтоженіемъ сѣбѣстнаго, лежавшаго передъ нимъ на столѣ.

Гаврилычъ рѣшилъ открыться:

— Егоръ, неужто ты меня не призналъ?...

Егора точно какая то сила приподняла съ лавки:

— Отецъ? неужто ты?...

— Я, братъ, вотъ гдѣ пришлось увидаться нечаянно — негаданно, да не радостна наша встрѣча: я плохъ, и ты, видать, не лучше. Скажи, какъ ты забрелъ сюда, давно ли изъ дома?

— Давно ужъ. Вскорѣ послѣ тебя я продалъ все, что осталось и ушелъ въ городъ на заработки, думалъ лучше будетъ, а вышло не то: заработалъ я только болѣзнь. Съ недѣлю только я вышелъ изъ больницы и думалъ какъ нибудь добраться домой и вотъ... Отецъ, я виноватъ передъ тобой, я прогналъ тебя, а теперь у тебя же отнимаю послѣдній кусокъ хлѣба.

— Полно, Егоръ, что было то прошло, чего вспоминать, да и не вернуть стараго. А сердиться на что, я давно уже все простилъ и только что передъ тобою сбирался, по теплу, какъ нибудь пробраться на свою сторону, теперь видать не пойду да и зачѣмъ?

— Нѣтъ, отецъ, есть зачѣмъ. Я еще поправлюсь и сумѣю прокормить тебя, я не дамъ тебѣ жить съ чужими людьми и кор-

миться Христа ради, я буду работать день и ночь, какую угодно работу, только бы ты был спокоенъ. Недаромъ въ такую ночь мы встрѣтились съ тобою.

— Ну и слава Богу, забудемъ старое и будемъ жить по новому, а пока давай разговляться; послѣ, когда ты отдохнешь и обогрѣешься, все мнѣ расскажешь...

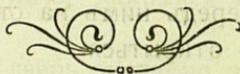
Возвратившійся Петряйка засталъ ихъ еще за столомъ.

Онъ немного смутился, увидавъ незнакомаго человѣка и изъявилъ было намѣреніе задать тягача, еслибы его не удержалъ Гаврилычъ:

— Стой, Петряйка, ты знаешь ли, какой у меня нынче праздникъ, вѣдь это мой Егорка сидитъ, выходитъ около магази намъ съ тобою сидѣть, братъ, теперь скоро крышка...

Когда солнце начало грѣть сильнѣе и въ поляхъ зазеленѣла трава, изъ Горюхинской околицы вышли три фигуры и отправились вдаль за поисками лучшей доли.

А. Л. Тышевскій

СОДЕРЖАНІЕ: Христосъ воскресъ. — Церковь и школа; Изъ дневника паломника во Св. Землю: Путь отъ Фавора до Иерусалима. Иерусалимъ. Миссіонер. дѣло: Наша Пасха и чувашскій мун-кун. — Жизнь и книги: Духовное возстаніе. — Изъ свѣтской печати. — Вларх. лѣтопись: Собраніе падестинскаго общества. — Изъ отговоровъ нашихъ читателей: Служеніе панихидъ. Смѣсь: Встрѣча. — Пасхальный разсказъ.

Печатать дозволяется. 1 апрѣля 1914 года.

Цензоръ протоіерей *Сергій Медвѣдновъ*.

РЕДАКТОРЪ *А. Яхонтовъ*.

Тип-лит. *А. Т. Токарева*.

6) Епархіальная лѣтопись: Сюда относятся описанія архіерейскихъ служеній, освященія церквей, посѣщенія епархіальнымъ преосвященнымъ монастырей, церквей, учебныхъ заведеній, устройство и освященіе новыхъ храмовъ, выдающіяся церковныя торжества: крестные ходы, молебствія, внѣ-богослужебныя собесѣдованія и чтенія; смерть и погребеніе съ некрологическими свѣдѣніями священниковъ мѣстной епархіи.

7) Иноепархіальное обозрѣніе—по вопросамъ пастырской практики, имѣющимъ общій интересъ и могущимъ служить руководствомъ и указаніемъ для пастырей мѣстной епархіи.

8) Современная жизнь: краткія извѣстія и замѣтки, касающіяся главнѣйшихъ событій церковной и государственной жизни въ Россіи и заграницей.

9) Отвѣты по вопросамъ изъ области церковно-приходской практики, имѣющимъ общій интересъ.

10) Смѣсь: очерки, рассказы и воспоминанія изъ духовнаго и школьнаго быта, изъ жизни и дѣятельности ревнителей Православія въ расколотантской средѣ; стихотворенія рел.-нрав. и бытового содержанія; разныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству, садоводству, огородничеству и пчеловодству; разныя общедоступныя и общепользныя статьи по гигиенѣ и др.

Приложенія: а) *статьи церковно-историческаго и церковно-археологическаго содержанія* въ области изслѣдованій мѣстнаго края (описанія монастырей и церквей Симбирской епархіи, церковной утвари, иконъ, древнихъ рукописей, книгъ и другихъ памятниковъ), б) *листки проповѣдическіе и миссіонерскіе*, предназначаемые авторами для бесплатной раздачи народу.

Примѣчаніе. Въ силу того, что въ настоящее время церковно-общественная жизнь бьетъ живымъ ключемъ, Редакція надѣется, что приходское духовенство, какъ преимущественные сотрудники нашихъ Вѣдомостей (см. алфавитный перечень сотрудниковъ въ № 24-мъ 1913 г.) будетъ давать для Вѣдомостей массу глубоко-интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній по всѣмъ отдѣламъ программы.

Доставляемыя въ Редакцію статьи не должны быть длинными (длинныя статьи неудобно печатать въ двухдѣльномъ изданіи), описаніе юбилеевъ, некрологи и под. должны быть кратки. Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, лучше -- на одной сторонѣ листа, за полную подписью автора (анонимныя сообщенія не печатаются) и съ обозначеніемъ адреса.

По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Непринятая для печати рукопись возвращается авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы будутъ марки на пересылку.

По всѣмъ вопросамъ „неофициальнаго отдѣла“ Вѣдомостей и съ присылкою рукописей Редакція проситъ обращаться въ Духовную Семинарію къ редактору, инспектору семинаріи **А. К. Яхонтову**.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ 5 Р.

Подписка принимается въ Редакціи при Симбирской духовной Консисторіи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

I. О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц І А Л Ъ Н Ы Й.

II. О Т Д Ъ Л Ъ Н Е О Ф Ф И Ц І А Л Ъ Н Ы Й.

1. Христось Воскресъ! (Возможна-ли вѣра въ Воскресеніе Христа). Священникъ *Александръ Введенскій*.
2. **Церковь и школа.** Изъ дневника паломника во Св. Землю.— Путь отъ Эавора до Іерусалима.
3. Іерусалимъ. (Храмъ Воскресенія: Гробъ Господень и Голгова). *Д. В. Дмитріевъ*.
4. **Миссіонерское дѣло.** Наша Пасха и чувашскій праздникъ мун-кунъ въ селѣ Три-Избы-Шемурша. Священникъ *Стефанъ Павловъ*.
5. **Жизнь и книги.** Духовное возстаніе. (Изъ исторіи открытія и жизнѣдѣтельности одного общества трезвости).
6. Изъ свѣтской печати.—Параллели между Россіей и Англійей, англійскаго писателя Уэльса. Сообщ. свящ. *А. Введенскій*.
7. **Епархіальная лѣтопись.** Собраніе палестинскаго общества въ Симбирскѣ.
8. **Изъ отзывовъ нашихъ читателей.** Служеніе панихидъ и значеніе ихъ въ приходской жизни. Свящ. *П. Красковъ*.
9. **Смѣсь.** Встрѣча. (Пасхальный разсказъ). *А. Л. Тышевскій*.
12. **Объявленія.**